

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Природа конституционных презумпций. *Степанян Г.А.*.....3
Правовое регулирование аренды государственных предприятий в период нэпа (1921-1929 гг.).
Лосяков А.В. 8
Методика обоснования применения робототехнических комплексов для доставки материальных средств.
Ведерников А.Г., Суриков А.Н. 11
Алиментная облигация. *Филиппова О.В., Зацепин М.Н., Зацепин А.М., Пермяков М.В.*..... 15

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Основные аспекты правовых статусов и полномочий эксперта и специалиста на предварительном следствии и в суде. *Хаметова А.Р.*..... 20
Некоторые проблемы предъявления юридическими лицами гражданского иска в уголовном процессе.
Асанов В.В. 25
Регламентация ответственности за прикосновенность к преступлению в уголовном законодательстве стран постсоветского пространства.
Басханов А.М. 28
Судебные гарантии прав военнослужащих при применении к ним мер процессуального принуждения. *Баштинский Н.В.* 30
Виды законных интересов потерпевшего (на примере института освобождения от уголовной ответственности). *Винокурова Л.В.* 33
Отравление ядовитыми соединениями мышьяка и их криминалистическое распознавание при расследовании преступлений. *Кайргалиев Д.В.*..... 37
Участие понятых при производстве следственных действий в уголовном судопроизводстве.
Киселёв Д.С. 40
Уголовно-правовая охрана жизни при оказании медицинских услуг. *Книшенко С.Ю.*..... 45
Анализ некоторых аспектов практики проведения допроса и очной ставки по видео-конференц-связи (на примере отдельных зарубежных государств).
Кружлин Н.П. 49
Гражданский иск в уголовном процессе: вопросы правоприменения и пути совершенствования.
Кутин П.М., Цепелев А.В. 54

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016

ISSN 2587-831X Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 25.03.2022 Цена свободная Тираж 300 экз.

Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

Nature of constitutional presumptions <i>Stepanyan G.A.</i>	3
Legal regulation of the lease of state enterprises during the NEP period (1921-1929). <i>Losyakov A.V.</i>	8
Methodology for substantiating the use of robotic systems for the delivery of materiel. <i>Vedernikov A.G., Surikov A.N.</i>	11
Alimony bond. <i>Filippova O.V., Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Permyakov M.V.</i>	15

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

The main aspects of the legal statuses and powers of an expert and a specialist in the preliminary investigation and in court. <i>Khametova A.R.</i> ..	20
Some problems of filing a civil claim by legal entities in criminal proceedings. <i>Asanov V.V.</i>	25
Regulation of responsibility for touch to a crime in the criminal legislation of the countries of the post-Soviet space. <i>Baskhanov A.M.</i> ...	28

Judicial guarantees of the rights of military personnel under. application to them of measures of procedural coercion. <i>Bashtinsky N.V.</i>	30
Types of legitimate interests of the victim (on the example of the institution of exemption from criminal liability). <i>Vinokurova L.V.</i>	33
Poisoning with poisonous compounds of arsenic and their forensic recognition in the investigation of crimes. <i>Kayrgaliev D.V.</i>	37
Participation of attesting witnesses in the production of investigative actions in criminal proceedings. <i>Kiselev D.S.</i>	40
Criminal law protection of life in the provision of medical services. <i>Knishenko S.Yu.</i>	45
Analysis of some aspects of the practice of conducting interrogation and confrontation via video-conferencing (on the example of certain foreign states). <i>Kruzhilin N.P.</i>	49
Civil lawsuit in the criminal process: issues of law enforcement and ways to improve. <i>Kutin P.M., Zepelev A.V.</i>	54

Природа конституционных презумпций

Степанян Галина Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и уголовного права Среднерусского института управления - филиала РАНХиГС, Dort1009@mail.ru

Категория презумпции функционировала еще в древнееврейском религиозном праве и в древнеримском праве; по другим данным, первые фикции и презумпции возникли еще до их письменного закрепления, как логический результат общественной практики. Доказывание какого-либо обстоятельства было затруднено по техническим причинам и из-за недостатка криминалистических методик, поэтому некоторые факты и статусы принимались по умолчанию. Изначально под презумпцией понимались *praesumptiones hominis*, или фактические (общечеловеческие) презумпции, отражающие существующее положение вещей, стремясь к максимальной объективности, хотя и не исключают опровержений. По мере развития национальных правовых систем и теоретической юриспруденции стали формироваться так называемые законные презумпции. Конституционная презумпция представляет собой высший уровень реализации данной правовой концепции. Конституционные принципы начали оформляться в европейском праве уже в XVIII в. Конституционная презумпция определена следующим образом: правило, закрепленное прямо или косвенно в конституционном законодательстве, применение которого позволяет сделать вывод о существовании другого факта, действующее до его доказательного опровержения. Данный вид презумпций обладает ключевым значением в правовой системе по причине приоритета конституционных положений. Презумпция невиновности является, одни из немногих видов презумпций, прямо прописанных в Конституциях правовых государств. Среди конституционных презумпций выделяются: презумпция неотъемлемости прав и свобод человека и гражданина, недопустимости ограничения неотчуждаемых прав и свобод; презумпция непризнания обратной силы закона, ухудшающего положение лица; презумпция полномочий субъектов Российской Федерации, презумпция конституционности актов государства; презумпция добросовестности граждан.

Ключевые слова: презумпция, конституционная презумпция, правовая презумпция, фактическая презумпция, индукция, презумпция невиновности

Для того, чтобы понять природу термина «презумпция», следует прояснить его этимологию. Согласно английскому этимологическому словарю, слово *presumption* в языке было зафиксировано в письменных источниках в середине XIII в., *presumpcioun*, и обозначало 'неоправданный захват или оккупация' (*seizure and occupation without right*), и, в свою очередь, произошло от старофранцузского *presumcion* и латинского *praesumptionem* ('уверенность', 'смелость') [19]. В зарубежных юридических источниках с середины XVIII в. категория презумпции обретает современную интерпретацию: к примеру, в классическом труде «Трактат о доктрине презумпции и предполагаемых доказательств» (1830 г.) американских юристов Дж. Х. Мэтьюза и Б. Ранда презумпция определяется как действительное предположение, которое может быть представлено без необходимости доказательства, перекладывающее в судебном процессе бремя доказывания с одной стороны на противную [18, с. 67; *прим. здесь и далее перевод наш*].

Тем не менее, практика применения категории «презумпция» имеет гораздо более продолжительную историю. Известно, что категория презумпции функционировала в древнееврейском религиозном праве и в древнеримском праве [8, с. 12]. В текстах древнего еврейского свода законов (Талмуд) многие аксиоматические умозаключения строились на базисе презумпций (*hazakah*), понимаемых как утверждения, принимаемые за истину, если не существовало оснований полагать иначе (к примеру, одной из таких презумпций был принцип «долг не подлежит досрочному погашению»). Примером древнеримских презумпций является презумпция отцовства в законодательных нормах наследственного права: по умолчанию ребенок считался биологическим потомком усопшего и был вправе получить его наследство. Несмотря на имплементацию презумпций в странах Древнего мира, нельзя сказать, что к тому времени была сформирована полноценная и всеобъемлющая система презумпций; презумпции были малочисленны и регулировали лишь точечные сегменты правоотношений между гражданами первых государств. По мнению З. М. Черниловского, первые фикции и презумпции возникли еще до их письменного закрепления, как логический результат общественной практики (к примеру, презумпция знания закона) [11, с. 98].

В период Средневековья в рамках светского и канонического права количество презумпций существенно возросло; появились типологии презумпций по силе действия: возможные, средние (вероятные) и принудительные. Данная классификация и конкретные презумпции были впоследствии перенесены в англосаксонскую правовую парадигму правоведом Эдвардом Коуком в XVII в. [16, с. 60-61].

Несмотря на то, что сущность применения презумпций в правовых системах практически одинакова, в разных сообществах они были прописаны в законодательстве с разными целями (функциями). Изначально доказывание какого-либо обстоятельства было затруднено по техническим причинам и из-за недостатка криминалистических методик, поэтому некоторые факты и статусы принимались по умолчанию. В ранних демократических обществах презумпции вводились также и для того, чтобы обеспечить равенство граждан перед законом. На сегодняшний день в юридической практике использование презумпций, помимо прочего, позволяет сократить время решения по конкретному делу, что, в свою очередь, экономит средства государства и всех участников судопроизводства, задействует меньший объем ресурсов участников процесса [20, с. 360].

Постепенно презумпции, будучи продуктом развития экономического и уголовного права, охватили многие отрасли. Презумпции постепенно стали играть важную роль в регулировании общественных отношений. К началу XX в. презумпции начали отражать современные социальные реалии государства, связанные с гуманизацией общественных отношений. Появились презумпции, к примеру, в области правового регулирования социальной политики государства. Подобным «компактным письменным отражением социальной политики государства в праве» [20, с. 361] является так называемая *black lung presumption* (досл. 'презумпция черного легкого'), кодифицированная в США в рамках Федерального закона об охране труда и технике безопасности на угольных шахтах от 1969 г., установившего национальные стандарты охраны труда и техники безопасности на угольных шахтах США и социальные гарантии для шахтеров. Предполагалось, что инвалидизированный шахтер априори является жертвой тяжелых производственных условий, что позволяло ему получать периодические выплаты, а в случае смерти выплачивались компенсации членам его семьи [3].

В течение продолжительного времени под презумпцией понимались *praesumptiones hominis*, или фактические (общечеловеческие) презумпции. Общечеловеческие презумпции отражают существующее положение вещей, стремясь к максимальной объективности, хотя и не исключают опровержений. Н. В. Михалкин в данной связи приводит умозаключение, представленное во Франции правоведом Дома (1753 г.) об общечеловеческих презумпциях: «все, что случается естественно и обыкновенно, предполагается истинным, и напротив, не-

обыкновенное и неестественное, не будучи доказано, не считается истинным... не следует предполагать, т.е. допускать бездоказательно, что отец ненавидит своих детей, что человек пренебрегает своими интересами» [7, с. 126]. Фактические презумпции представляют собой, таким образом, обобщение многовекового опыта поколений, следовательно, степень вероятности истинности подобного знания выше степени вероятности его ложности.

Только по мере эволюции национальных правовых систем и теоретической юриспруденции стали формироваться так называемые законные презумпции. Как отмечает В. И. Каминская, процесс эволюции права, выраженный в обобщении социально-культурной практики, привел к тому, что общеизвестные истины стали закладывать базис кодифицированных юридических норм. Момент трансформации фактов, относимых к *praesumptiones hominis*, в фиксированные правовые нормы, таким образом, и есть момент возникновения правовых презумпций [2, с.35]. Природу и эволюцию презумпции В. И. Каминская отразила и в рамках соответствующей дефиниции: «положение, выраженное прямо или косвенно в правовой норме, которым какой-либо порядок явлений в области отношений, возникающих из человеческого поведения, признается обычным, постоянным, нормальным и не требующим, в силу этого, специальных доказательств» [2, с.35]. Отличие двух последовательных форм презумпции можно проследить, сравнив определение *praesumptiones hominis* и правовой презумпции. Последняя интерпретируется авторами как прием, посредством которого можно вывести наличие неизвестного искомого факта из другого достоверно известного факта, если неизвестный искомый факт не будет опровергнут в ходе судебного разбирательства [2; 3; 8].

Существует и промежуточная «версия» презумпции, которая возникла до появления правовой презумпции. Данный тип презумпций получил свое обоснование в научной отрасли – логике, философии, дескриптивной феноменологии и других областях познания. Еще до закрепления презумпции в правовом массиве ученые начали предпринимать попытки рассматривать индукцию в контексте перехода от знания частных фактов к обобщению; признаки явлений признавались как аксиоматичные за счет их всеобщности и устойчивой повторяемости. Именно эти методологические положения оправдывают логическую состоятельность и эффективность индуктивных выводов в процессе познания. По мнению феноменолога Э. Гуссерля, любая наука основана на доказанных ранее фактах, выполняющих презумптивную функцию [9, с. 9-10]. Следовательно, научная презумпция является неким промежуточным этапом между фактической и правовой презумпцией. Прием индуктивного обобщения, свойственный познавательной деятельности, в сфере действия права постепенно приобрел способность вызывать специальные правовые последствия [4, с. 132].

Действительно, природа правовой презумпции кроется в попытках человека выстраивать индуктивные умозаключения. Наблюдение аналогии в протекании процессов и связей между феноменами окружающей действительности приводит к выявлению у них одинаковых признаков, изучение которых позволяет говорить о наличии вероятностной презумпции. Зарождение и развитие конституционных презумпций обуславливалось историческими условиями, уровнем развития общества и формированием общего правового массива и единого Основного закона – Конституции. Конституционные презумпции несут в себе отголоски различных этапов становления многих типов презумпций: социальных презумпций – словесного выражения норм морали; религиозных презумпций; правовых и идеологических презумпций. Подобный подход к пониманию конституционной презумпции помогает адекватно отразить накопленный человечеством опыт.

Как можно предположить, конституционная презумпция представляет собой некий высший уровень реализации данной правовой концепции. Тем не менее, природа и сущность конституционной презумпции является весьма дискуссионным аспектом как в отечественной, так и в зарубежной юриспруденции. Конституционную презумпцию И. В. Сухина определяет следующим образом: правило, применение которого позволяет сделать вывод о существовании другого факта, закрепленное прямо или косвенно в конституционном законодательстве, действующее до его официального опровержения компетентным органом [10, с. 70]. Безусловно, конституционная презумпция является собой один из видов правовой презумпции; при этом, данный вид презумпций обладает ключевым значением в правовой системе по причине приоритета конституционных положений.

По мере становления отрасли конституционного права исследователи-правоведы разделились на два подхода к определению конституционных презумпций. Широкий подход к дефинированию конституционных презумпций предполагает, что такими презумпциями являются все презумпции, которые закреплены прямо или косвенно в правовых актах, содержащих конституционно-правовые нормы. Узкий подход к пониманию конституционных презумпций включает в их число исключительно презумпции, прописанные или вытекающие из текста Конституции страны. При широком понимании конституционных презумпций они действуют в сфере всего конституционного права того или иного государства.

Во множестве национальных законодательств конституционные презумпции прямо не прописаны: они проистекают, скорее из конституционных принципов как руководящих правовых идей. В большинстве современных правовых государств данные принципы сводятся к признанию прав и свобод человека и гражданина высшими ценностями.

Конституционные принципы начали оформляться в европейском праве уже в XVIII в.; к примеру, в Декларации прав человека и гражданина Франции от 1789 г. указано: «Цель всякого политического союза — обеспечение естественных и неотчуждаемых прав человека...» (ст. 2) [14]. Ст. 1 ч. 3 Основного закона ФРГ от 1949 г. предписывает обязательность данных принципов для законодательной, исполнительной власти и правосудия [17]. Ст. 2 Конституции Италии от 1947 г. содержит следующее положение: «Республика признает и гарантирует неотъемлемые права человека – как отдельной личности, так и социальных групп, в которых проявляет себя эта личность, и требует выполнения неотъемлемых обязанностей, проистекающих из политической, экономической и социальной солидарности» [13].

Презумпция невиновности является, пожалуй, единственным видом презумпций, которые прямо прописаны в Конституциях правовых государств. Эволюция конституционной презумпции невиновности начинается уже со становления первых демократических государств; в римском частном праве, к примеру, встречается понятие *presumption boni viri*, которое и является первой попыткой признания презумпции невиновности как исходной, первоочередной, приоритетной среди прочих видов конституционных презумпций. Каждый свободный римлянин рассматривался как участник гражданско-правовых отношений, действующий по принципу *bona fide* (досл. 'добропорядочно'). *Ei insumbit probatio qui dicit (non quingat)* 'Кто утверждает, тот доказывает' – данная формулировка призвала к обязательству по доказанию вины тем лицом, который оспаривал презумпцию невиновности.

Вышеотмеченная нами Декларация прав человека и гражданина Франции стала одной из первых Конституций, которые кодифицировали презумпцию невиновности: человек, согласно положениям данного документа, лицо считается невиновным до тех пор, пока не будет доказана его вина; согласно Ст. 9, «всякая стеснительная мера, не являющаяся необходимой для удержания его под охраной, должна сурово пресекаться законом» [14]. Ст. 27 Конституции Италии предлагает аналогичную формулировку: обвиняемый не считается виновным до момента его окончательного осуждения [13]. В Ст. 49 Конституции Российской Федерации указано: «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [5]. Как видно из данных постулатов, конституционная презумпция невиновности проистекает из гуманного стремления законодателей к минимизации случаев неоправданного ограничения свободы.

Наднациональные нормативно-правовые акты также устанавливают обязательство по доказательству вины в инкриминируемых преступных деяниях. В частности, п. 2 Ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 1966

г. гласит: «каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону» [6]. По мере расширения теоретических представлений и знаний, конституционная презумпция невиновности получает свое развитие в правах обвиняемого на защиту и избавляют его от бремени доказывания – уже в рамках конкретных законодательных норм.

Термин «презумпция невиновности» сегодня является одним из наиболее дискуссионных аспектов конституционного права. У. Ф. Фокс, мл. указывает, что «фактически это вовсе не презумпция в юридическом смысле... поскольку по статистике больше людей, которым предъявлено обвинение в совершении преступления, признаны виновными, чем оправданными...» [15, с. 7-8].

Конституционный принцип о наделении правами и свободами также порождает включение в него презумпцию психического здоровья, или презумпцию вменяемости (*presumption of sanity*). Основной закон множества стран прямо или косвенно содержит указание на то, что лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, считается вменяемым до тех пор, пока не будет доказано обратное. Точно так же предполагается, что лицо обладает дееспособностью до тех пор, пока не появятся доказательства, опровергающие это [12, с. 113].

И. В. Сухина, можно сказать, выражает точку зрения большинства современных российских авторов в области конституционного права. Исследователь указывает: «правовая презумпция, помещенная законодателем в диспозицию конституционной нормы, становится конституционным установлением»; в ряд конституционных презумпций автор ставит презумпцию неотъемлемости прав и свобод человека и гражданина, недопустимости ограничения неотчуждаемых прав и свобод; презумпцию непризнания обратной силы закона, ухудшающего положение лица; презумпцию полномочий субъектов Российской Федерации, презумпцию конституционности актов государства; презумпцию добросовестности граждан Российской Федерации и др. [10, с. 101].

Категория конституционных презумпций продолжает развиваться и по сей день. Презумпции способствуют развитию состязательности в рамках доказательственного процесса, будучи «действенным средством развития доказательственного права» [1, с. 27], «укрепления позиции судебного прецедента» [1, с. 28].

Таким образом, конституционные презумпции обнаруживают тесную взаимосвязь с корреспондирующими конституционными принципами; конституционные презумпции являяют собой базис конституционного строя государства. Презумпции соединяют в единое целое и унифицируют национальную правовую базу, снимая противоречия в законодательстве. Следовательно, качественное оформление конституционных презумпций, осознание их колоссальной общественной ценности является одной из первоочередных задач любого прогрессивного гуманного государства.

Литература

1. Абдрашитов, В. М. Презумпция невиновности. Природа и типология правовых презумпций / В. М. Абдрашитов // Закон и право. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 2007. – № 5. – С. 26-30.

2. Каминская, В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / В. И. Каминская. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 35.

3. Каранина, Н. С. Сущность правовой презумпции: определение понятия «Презумпция» в современной теории права и российском законодательстве; признаки правовой презумпции / Н. С. Каранина // Юридическая техника. – 2010. – №4. // Киберленинка. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-pravovoy-prezumptsii-opredelenie-ponyatiya-prezumptsiya-v-sovremennoy-teorii-prava-i-rossiyskom-zakonodatelstve-priznaki>. – Дата доступа: 10.03.2022.

4. Корнакова, С. В. Логические основы уголовно-процессуального доказывания : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / С. В. Корнакова. – Иркутск : Байкал. гос. ун-т экономики и права, 2008. – 221 с.

5. Конституция Российской Федерации – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/>. – Дата доступа: 10.03.2022.

6. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // Организация Объединенных Наций. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 10.03.2022.

7. Михалкин, Н. В. Логика и аргументация в судебной практике: Учебник для вузов / Н. В. Михалкин. – СПб.: Питер, 2004. – С. 126.

8. Мосин, С. А. Конституционные принципы и презумпции-принципы / С. А. Мосин. – М.: Юстицинформ, 2018. – 136 с.

9. Слинин, А. Я. Эдмунд Гуссерль и его «Картезианские размышления» / А. Я. Слинин // Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб., 2001. – С. 9-10.

10. Сухина, И. В. Презумпции в конституционном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук 12.00.02 / И. В. Сухина. – М.: МГИМО, 2003. – 172 с.

11. Черниловский, З. М. Презумпции и фикции в истории права / З. М. Черниловский // Советское государство и право. – 1984. – № 1. – С. 98.

12. Chapman, F. The Presumption of Sanity, Automatism and R. v. H. (S.): Is it Insane to Have a Presumption of Insanity? / F. Chapman // Criminal Law Quarterly. – 2015. – Vol. 62. – P. 113.

13. Constitution of the Italian Republic // Senato della Repubblica. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione_inglese.pdf. – Дата доступа: 10.03.2022.

14. Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen de 1789 // CONSEIL CONSTITUTIONNEL. – 2022

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/declaration-des-droits-de-l-homme-et-du-citoyen-de-1789>. – Дата доступа: 10.03.2022.

15. Fox, W. F. Jr., The Presumption of Innocence as Constitutional Doctrine / W. F. Fox, Jr. // 28 Catholic University Law Review. – #28(2). – Pp.253-269.

16. Franklin, J. The Science of Conjecture: Evidence and Probability Before Pascal / J. Franklin. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. – P. 6.

17. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // Deutscher Bundestag. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bundestag.de/gg>. – Дата доступа: 10.03.2022.

18. Mathews, J. H. A Treatise on the Doctrine of Presumption and Presumptive Evidence: As Affecting the Title to Real and Personal Property / J. H. Mathews, B. Rand. – New York : Gould, Banks and Company, 1830 // Google Books. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.am/books/about/A_Treatise_on_the_Doctrine_of_Presumptio.html?id=qPICAQAAMAAJ&redir_esc=y. – Дата доступа: 10.03.2022.

19. Presumption // Etymology Dictionary/ – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/search?q=presumption>. – Дата доступа: 10.03.2022.

20. Rudzkis, T. Legal Presumptions in the Context of Contemporary Criminal Justice. Different Expressions of Presumptions / T. Rudzkis, A. Panomariovas // Hungarian Journal of Legal Studies. – 2017. – Volume 58, Issue 3. – Pp. 360-372.

Origin of constitutional presumptions

Stepanyan G.A.

RANEPА

The category of presumption functioned in ancient Jewish religious law and in ancient Roman law; according to another sources, the first fictions and presumptions occurred even before written legal norms, as a result of social activity and relations. Proving any fact was difficult technically and due to the lacks of achievements in forensic methods, so some facts and statuses were perceived by default. Initially a presumption meant *praesumptiones hominis* or a factual (general human) presumption reflecting the existing state of affairs, reflecting the expected objectivity, although they could be invalidated. With the development of national legal systems and theoretical jurisprudence, so-called legal presumptions began their formation. The constitutional presumption is the highest level of realization of the observed phenomena. Constitutional law began its formation in European law in the 18th century. The constitutional presumption determined the proposal: a rule fixed directly or indirectly in constitutional legislation, the application of which allows one to draw a conclusion about another fact, valid until its evidential refutation. This type of presumption is important in litigation on the priority of constitutional offenders. The presumption of innocence is one of the possible types of presumptions, directly prescribed in the Constitutional law. The constitutional presumptions can include: the presumption of the inalienability of the rights and freedoms of man and citizen, the inadmissibility of the limits of inalienable rights and freedoms; the presumption of non-recognition of the consequences of the subsequent deterioration of the person's condition; the presumption of the subjects of the Russian Federation, the presumption of the constitutionality of acts of the state; presumption of good faith of citizens.

Keywords: presumption, constitutional presumption, legal presumption, actual presumption, induction logic, presumption of innocence

References

1. Abdrashitov, V. M. Presumption of innocence. Nature and typology of legal presumptions / VM Abdrashitov // Law and Law. – M.: UNITY-DANA. – 2007. – No. 5. – S. 26-30.
2. Kaminskaya, V. I. The doctrine of legal presumptions in criminal proceedings / V. I. Kaminskaya. – M.-L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. – P. 35.
3. Karanina, N. S. The essence of the legal presumption: the definition of the concept of "Presumption" in modern theory of law and Russian legislation; signs of a legal presumption / N. S. Karanina // Legal technique. – 2010. – No. 4. // Cyberleninka. – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-pravovoy-prezumptsii-opredelenie-ponyatiya-prezumptsiya-v-sovremennoy-teorii-prava-i-rossiyskom-zakonodatelstve-priznaki>. – Access date: 03/10/2022.
4. Kornakova, S. V. Logical foundations of criminal procedural proof: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.09 / S. V. Kornakova. - Irkutsk: Baikal. state University of Economics and Law, 2008. – 221 p.
5. The Constitution of the Russian Federation - 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.constitution.ru/>. – Access date: 03/10/2022.
6. International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by resolution 2200 A (XXI) of the General Assembly of December 16, 1966 // United Nations. – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Access date: 03/10/2022.
7. Mikhalkin, N. V. Logic and argumentation in judicial practice: Textbook for universities / N. V. Mikhalkin. - St. Petersburg: Peter, 2004. - S. 126.
8. Mosin, S. A. Constitutional principles and presumptions-principles / S. A. Mosin. - M. : Yustitsinform, 2018. - 136 p.
9. Slinin, A. Ya. Edmund Husserl and his "Cartesian reflections" / A. Ya. Slinin // Husserl E. Cartesian reflections. - St. Petersburg, 2001. - S. 9-10.
10. Sukhinina, I. V. Presumptions in the constitutional law of the Russian Federation: dis. ... cand. legal Sciences 12.00.02 / I. V. Sukhinina. - M. : MGIMO, 2003. - 172 p.
11. Chernilovsky, Z. M. Presumptions and fictions in the history of law / Z. M. Chernilovsky // Soviet state and law. - 1984. - No. 1. - P. 98.
12. Chapman, F. The Presumption of Sanity, Automatism and R. v. H. (S.): Is it Insane to Have a Presumption of Insanity? / F. Chapman // Criminal Law Quarterly. - 2015. - Vol. 62.-P.113.
13. Constitution of the Italian Republic // Senato della Repubblica. – 2022 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.senato.it/documenti/repositorio/istituzione/costituzione_inglese.pdf. – Access date: 03/10/2022.
14. Declaration des Droits de l'Homme et du Citoyen de 1789 // CONSEIL CONSTITUTIONNEL. – 2022 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/declaration-des-droits-de-l-homme-et-du-citoyen-de-1789>. – Access date: 03/10/2022.
15. Fox, W. F. Jr., The Presumption of Innocence as Constitutional Doctrine / W. F. Fox, Jr. // 28Catholic University Law Review. – #28(2). – Pp.253-269.
16. Franklin, J. The Science of Conjecture: Evidence and Probability Before Pascal / J. Franklin. - Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. - P. 6.
17. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // Deutscher Bundestag. – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bundestag.de/gg>. – Access date: 03/10/2022.
18. Mathews, J. H. A Treatise on the Doctrine of Presumption and Presumptive Evidence: As Affecting the Title to Real and Personal Property / J. H. Mathews, B. Rand. - New York: Gould, Banks and Company, 1830 // Google Books. – 2022 [Electronic resource]. – Access Mode: https://books.google.am/books/about/A_Treatise_on_the_Doctrine_of_Presumptio.html?id=qPICAQAAMAAJ&redir_esc=y. – Access date: 03/10/2022.
19. Presumption // Etymology Dictionary/ - 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.etymonline.com/search?q=presumption>. – Access date: 03/10/2022.
20. Rudzkis, T. Legal Presumptions in the Context of Contemporary Criminal Justice. Different Expressions of Presumptions / T. Rudzkis, A. Panomariovas // Hungarian Journal of Legal Studies. - 2017. - Volume 58, Issue 3. - Pp. 360-372.

Правовое регулирование аренды государственных предприятий в период нэпа (1921-1929 гг.)

Лосяков Андрей Викторович

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Государственно-правовые и уголовно-правовые дисциплины», ФГБОУ ВО «Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова» (Losyakov_1987@mail.ru).

После завершения политики «военного коммунизма» российское государство находилось в экономическом упадке. Руководству страны необходимо было провести разграничение между эксплуатируемыми предприятиями и находящимися у государства ресурсами. Правовая сторона аренды государственных предприятий максимально точно определяла тот необходимый компромисс между государством и частным капиталом. Сохранялась возможность развивать торговлю и промышленность при помощи частных лиц, при этом все основные предприятия юридически оставались в руках государства. Однако постепенное укрепление экономики советского государства, обострение классовой борьбы, достижение образования союза крестьянства и рабочего класса как одной из целей нэпа и изменение в политической жизни страны привело к свертыванию арендных отношений между государством и частными лицами.

В статье анализируются договор аренды государственных предприятий, его существенные условия и в целом арендные отношения между государством и другими лицами в период новой экономической политики. Исследуется законодательство регулирующее данные отношения, а также делается вывод о причинах прекращения аренды государственных предприятий в последние годы НЭПа.

Ключевые слова: аренда государственных предприятий, НЭП, договор аренды.

После завершения политики «военного коммунизма» российское государство находилось в экономическом упадке. Руководству страны необходимо было провести разграничение между эксплуатируемыми предприятиями и находящимися у государства ресурсами.

К началу новой экономической политики у государства находилось более десяти тысяч бездействующих предприятий, которые силами страны не представлялось возможным запустить. Наказ СНК от 9 августа 1921 г. о проведении в жизнь начал новой экономической политики предписывал такие предприятия сдавать в аренду, прежде всего кооперативам, а также товариществам и другим объединениям, частным лицам. Конечно, власти рассматривали такое отступление от принципов социализма как временный шаг. В 1921 г. В.И. Ленин указывал, что сдача в аренду государственных предприятий ведет к развитию капиталистических отношений, но также подчеркивал применение различных приемов, не опасаясь насаждения капитализма, лишь бы поднять торговый оборот и оживить земледелие и промышленность[4].

Декрет «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных ВСНХ» от 5 июля 1921 г. допускал сдачу в аренду предприятия без ограничения их размеров. Данный декрет предусматривал порядок составления списков предприятий, подлежащих сдаче в аренду, ссылаясь на инструкции ВСНХ (высшего совета народного хозяйства) от 25 апреля 1922 г. и от 10 сентября 1924 г.[7] Как отмечает исследователь В.М. Гафурова, все предприятия делились на три категории. К первой группе относились технически оснащенные предприятия. На такие предприятия арендаторами привлекались наиболее квалифицированные кадры, пересматривались нормы выработки, предоставлялся широкий круг прав при реализации продукции. Ко второй относились предприятия местного значения, где условия были значительно хуже. Третья группа предприятий находилась в плачевном состоянии, где снабжения практически не было[1].

Так, до ноября 1921 г. было сдано в аренду 1729 предприятий, потом в течение следующих трех месяцев только 1434 предприятия и далее это число стало сокращаться[2]. Объяснялось сокращение тем, что арендаторы в первую очередь обращали внимание на первую группу предприятий, которые не требовали больших вложений, остальные группы уже не пользовались таким спросом. В числе арендаторов почти 1/5 часть приходилось на долю бывших владельцев данного предприятия и

около 1/4 части от всех сданных предприятий приходилось на кооперативы[3].

Арендные отношения государственных предприятий Гражданский кодекс РСФСР от 11 ноября 1922 г. регулировал относительно частично. Более подробно регулирование этих отношений проводилось другим сопутствующим законодательством. Согласно вышеуказанным инструкциям ВСНХ, нанимателей по арендным договорам законодательство разделяло на привилегированных и непривилегированных. Первым отдавалось предпочтение при заключении договоров, к ним относились госпредприятия, кооперативные организации, входящие во всероссийские или местные объединения, а также арендаторы, принимающие обязательство произвести закупку дополнительного оборудования или организовать наиболее важное для государства производство. Сотрудники государственных учреждений в субъекты арендных правоотношений могли допускаться только по особым постановлениям совета труда и обороны и областных экономических совещаний. Иностранцы граждане к аренде допускались наравне с гражданами РСФСР[6].

Статья 162 ГК РСФСР возлагала на арендатора обязанность вести производство не ниже установленного договором минимума, а также устанавливался срок, в течение которого он должен быть достигнут. Такое положение относилось к существенным условиям, и отсутствие данного положения приводило к недействительности договора. Приведенное требование являлось одним из главных отличий договора аренды государственных предприятий от аренды между частными лицами.

Что касается рабочих, то арендатор был обязан соблюдать все правила трудового законодательства и охраны труда, он был обязан платить все налоги, связанные с предприятием, а также страховать предприятие за свой счет[3].

Объектами аренды выступали государственные предприятия за исключением тех, которые имели стратегическое значение для государства. Список предприятий, которые должны сдаваться в аренду, составлялся органами Совнархоза. Дополнительные материалы, такие как сырье, топливо и т.д. могли быть оставлены арендатору только за дополнительную плату. Продукты производства к моменту передачи предприятия арендатору не допускались оставлять[5].

В условиях договора содержались три основных признака:

- пользование предметом;
- возмездность;
- срочность пользования.

Применение неденежной формы оплаты аренды могла использоваться только в случаях, когда производимая продукция была необходима для нужд государства. Размер платы определялся в соответствии с общей стоимостью, передаваемого в аренду имущества. Сюда входила стоимость амортизации имущества и чистый доход в размере от 6 до 12% годовых от стоимости имущества. Плата могла изменяться в зависимости от производимых

на ремонт затрат арендатора, а также допускалось и полное освобождение от арендных платежей, если арендатор за свой счет полностью восстанавливал предприятие и оно потом переходило в пользу государства. Арендная плата вносилась вперед за 1-3 месяца[6].

Предприятия сдавались в аренду на срок в среднем от 1 до 6 лет. Чем выше были затраты арендатора, тем более долгий срок предполагал договор аренды. В договоре могло быть предусмотрено условие о праве арендатора продлить его на определенное количество лет. С особого разрешения Президиума ВСНХ предприятие могло быть сдано в аренду на срок более 6 лет[5]. Но не более 12 лет по ГК РСФСР. В 1927 г. будет введено ряд льгот для поддержки промысловой кооперации. Так, для кооперативных организаций, наряду с государственными органами, аренда предприятий станет возможна до 24 лет и при добросовестном исполнении договора этот срок можно было продлить. В том же году промысловым кооперациям предоставлялась еще одна льгота, возможность изъять все улучшения, если они были отделены от предприятия без вреда для него или получить за них соответствующее вознаграждение по окончании срока договора. У других арендаторов все сделанные улучшения безвозмездно переходили государству[3].

Согласно ГК РСФСР договор заключался в нотариальном порядке и арендованное предприятие могло переходить по наследству. До вступления наследников в наследство предприятием управлял особый попечитель назначаемый судом по представлению госоргана (СУ. 1922. № 71. Ст. 904). 9 июля 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР кооперативным и другим общественным организациям предоставлялось право нотариально не заверять такие договоры независимо от их суммы (СУ. 1928. №88. Ст. 574). Законодательство позволяло арендатору сдать предприятие в поднаем (субаренду) с разрешения государственного органа, который предоставлял данное предприятие в аренду[3].

К договору аренды прилагалась подробная опись сдаваемого имущества с указанием его состояния и примерная рыночная цена. Переуступка прав на аренду государственного имущества допускалась исключительно с согласия государственного органа – арендодателя. При переуступке прав, а также в случае привлечения компаньонов в договоре оговаривалась солидарная ответственность за неисполнение условий договора[6].

Договор аренды заключался с центральными и местными органами ВСНХ, в чем ведении находились сдаваемые в аренду предприятия. Расторжение договора происходило либо с истечением срока своего действия либо в судебном порядке при отсутствии взаимного согласия. В качестве оснований для расторжения могла быть растрата государственного имущества или неисполнения обязательств по договору, а также иные условия предусмотренные договором. Контроль над арендаторами осуществляли местные Совнархозы, ко-

торые в случае обнаружения правонарушений связанные с арендой предприятий до судебного разбирательства, обязаны были пресекать противоправные действия[5].

Таким образом, можно увидеть, что правовая сторона аренды государственных предприятий максимально точно определяла тот необходимый компромисс между государством и частным капиталом. Сохранялась возможность развивать торговлю и промышленность при помощи частных лиц, при этом все основные предприятия юридически оставались в руках государства. Однако постепенное укрепление экономики советского государства, обострение классовой борьбы, достижение образования союза крестьянства и рабочего класса как одной из целей НЭПа и изменение в политической жизни страны привело к свертыванию арендных отношений между государством и частными лицами.

Сами арендаторы тоже постепенно стали дискредитировать себя и превращаться в независимых капиталистов. В 1928 г. свыше 50% арендаторов не выполняли своих обязательств по договору, около 15% нарушали правила эксплуатации оборудования[6]. Необходимы были новые изменения в законодательстве, новые рычаги давления и система поощрений со стороны государства, но руководству страны этого уже было не нужно. Юридически началом прекращения таких отношений станет постановление СНК СССР от 15 мая 1928 г. об отмене декрета от 5 июля 1921 г. (СЗ. 1928. № 34. Ст. 307). Он запрещал сдавать новые предприятия в аренду, но не прекращал те договоры, которые уже действовали. Фактически последние арендованные частными лицами предприятия просуществовали до 1930 г. Представленный опыт такого сочетания государственной собственности и пользования ею частными лицами и общественными организациями, при этом государство остается собственником, может быть полезным и в современной России.

Литература

1. Гафурова В.М. Политика аренды на Урале в годы НЭПа // Вестник МГТУ им. Г.И. Носова. 2005. № 2 (10). – С. 66-68.

2. Горохов Р.В. Правовые основы аренды промышленных предприятий частными лицами в годы

НЭПа (по материалам Вологодской и Архангельской губерний) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2009. № 2 (21). – С. 73-78.

3. Карасс А.В. Аренда государственных предприятий. Концессии / Под ред. Д.А. Магеровского. Основы советского права. М.-Л.: Госиздат, 1929 – 670 с.

4. Канторович Я.А. Частная торговля и промышленность в СССР по действующему законодательству. Ленинград: Сеятель, 1925. – 280 с.

5. Минц С. В. Советское промышленное право / Под ред. А.Э. Вормса. М.: НКРКИ СССР, 1925. – 173 с.

6. Вестник Советской юстиции. 1928. № 20. – С. 586

Legal regulation of the lease of state enterprises during the NEP period (1921-1929)

Losyakov A.V.

Russian University of Economics. G.V. Plekhanov

After the completion of the policy of "war communism", the Russian state was in economic decline. The country's leadership needed to make a distinction between operated enterprises and state-owned resources. The legal side of the lease of state-owned enterprises most accurately determined the necessary compromise between the state and private capital. It remained possible to develop trade and industry with the help of private individuals, while all the main enterprises legally remained in the hands of the state. However, the gradual strengthening of the economy of the Soviet state, the aggravation of the class struggle, the achievement of the formation of an alliance between the peasantry and the working class as one of the goals of the NEP, and a change in the political life of the country led to the curtailment of rental relations between the state and private individuals.

The article analyzes the lease agreement of state-owned enterprises, its essential conditions and, in general, lease relations between the state and other persons during the period of the new economic policy. The legislation regulating these relations is investigated, and a conclusion is made about the reasons for the termination of the lease of state-owned enterprises in recent years of the NEP.

Keywords: lease of state enterprises, NEP, lease agreement.

References

1. Gafurova V.M. Lease policy in the Urals during the years of the New Economic Policy // Bulletin of the Moscow State Technical University. G.I. Nосov. 2005. No. 2 (10). - S. 66-68.
2. Gorokhov R.V. Legal basis for the lease of industrial enterprises by private individuals during the NEP (based on materials from the Vologda and Arkhangelsk provinces) // Bulletin of the Cherepovets State University. 2009. No. 2 (21). - S. 73-78.
3. Karass A.V. Leasing of state enterprises. Concessions / Ed. YES. Magerovsky. Fundamentals of Soviet law. M.-L.: Gosizdat, 1929 - 670 p.
4. Kantorovich Ya.A. Private trade and industry in the USSR under current legislation. Leningrad: Sower, 1925. - 280 p.
5. Mints S. V. Soviet industrial law / Ed. A.E. Worms. M.: NKРKI USSR, 1925. - 173 p.
6. Bulletin of the Soviet justice. 1928. No. 20. - S. 586

Методика обоснования применения робототехнических комплексов для доставки материальных средств

Ведерников Александр Геннадьевич,

соискатель кафедры №14 применения автомобильных подразделений Военного института (инженерно-технического) Военной академии материально-технического обеспечения, vedernikov-81@mail.ru

Суриков Александр Николаевич,

кандидат военных наук, доцент кафедры №14 применения автомобильных подразделений Военного института (инженерно-технического) Военной академии материально-технического обеспечения, a.surikov@laura.ru

Главными составляющими инфраструктуры макрологистических систем материально-технического обеспечения (СМТО), оставшиеся в наследство еще со времен централизованного планового снабжения силовых структур, являются многоуровневые системы складирования, организованные по видам обеспечения (продовольственного, вещевого, горюче-смазочного и др.). Особенностью построения таких систем является их эшелонированная структура, которая заключается в аккумуляции основных объемов запасов материальных ресурсов (МР) на складах высшего уровня и периодического пополнения запасов складов нижнего уровня со складов ближайшего высшего уровня. В условиях рыночной экономики, когда существует широкая конкуренция поставщиков продукции на различных рынках сбыта (национальном, региональных, местных), применяются оптовые скидки на большие объемы закупок, активно развивается сфера транспортно-экспедиционных услуг, эшелонированная организация складской системы имеет новые преимущества, обусловленные уменьшением логистических затрат на закупку и транспортировку МГ, хранения их запасов. Этому способствует и децентрализация управления материально-техническим обеспечением силовых структур, что позволяет закупать необходимую продукцию на тех рынках, которые предоставляют наиболее выгодные предложения относительно условий ее закупки и доставки по таким критериям, как ассортимент, цена и качество продукции, надежность и своевременность поставки.

Ключевые слова: робототехника, комплекс, материальные средства, операция, доставка.

Для уменьшения измеримости транспортной задачи рассмотрим эшелонированную систему складирования только по одному виду материально-технического обеспечения [3]. Учитывая идею построения современных СМТО силовых структур по территориальному принципу, организационная структура складской системы является иерархической с тремя уровнями складов (рис. 1) [6].

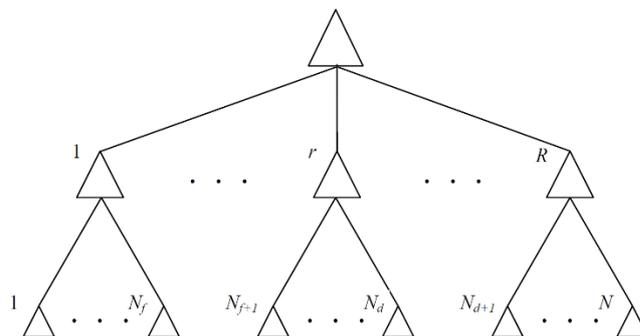

Рисунок 1. Организационная структура эшелонированной складской системы

Движение материальных потоков в такой системе (доставка грузов МГ) осуществляется по схеме (рис. 2):

Рисунок 2. Схема движения материальных потоков

С центрального склада доставляются МГ, закупаемых у центральных поставщиков, с регионального склада – поступающие от центрального склада и закупаются у региональных поставщиков, на локальный склад поступают МР, поступающих от регионального склада, и закупаются у местных поставщиков. В данной постановке транспортной задачи не будут учитываться логистические затраты на складирование и хранение МГ на складах, за исключением региональных складов [1]. При этом, последние рассматриваются только как распределительно-перевалочные пункты, в которых МГ, поступающие от центрального склада, не хранятся, а пересортируются, переупаковываются, консолидируются и перегружаются с одного вида транспорта или транспортных средств на другой с учетом тары перевозки [2].

Рассмотрим исходные данные для решения данной задачи [10]:

R – количество региональных складов по одному виду материально-технического обеспечения (будем считать, что в каждом регионе существует только один склад по определенному виду материально-технического обеспечения);

N – количество локальных складов по одним видом ресурсного обеспечения структурных подразделений силовых структур (нумерация сквозная независимо от региональной принадлежности);

S – количество типов МР по одному виду материально-технического обеспечения;

Z – количество видов транспортных средств, используемых для доставки МР от склада до склада;

$K_s^U, s = \overline{1, S}$ – количество МР s -го типа, закупаемое у центральных поставщиков на центральный склад;

$K_{sr}^{P3}, s = \overline{1, S}, r = \overline{1, R}$ – количество МГ s -го типа, который закупается у региональных поставщиков r -го региона;

$K_{sr}^{P3}, s = \overline{1, S}, r = \overline{1, R}$ – количество МГ s -го типа, что закупается на n -тый локальный склад у местных поставщиков;

$K_{sr}^{P3}, s = \overline{1, S}, r = \overline{1, R}$ – средняя техническая скорость транспортного средства z -го вида;

$K_{sr}^{P3}, s = \overline{1, S}, r = \overline{1, R}$ – вектор расстояний от центрального склада до региональных складов;

$K_{sr}^{P3}, s = \overline{1, S}, r = \overline{1, R}$ – матрица расстояний от региональных складов до локальных складов структурных подразделений, дислоцированных в соответствующем регионе;

$K_{sr}^{P3}, s = \overline{1, S}, r = \overline{1, R}$ – себестоимость загрузки и разгрузки одной единицы МР s -го типа на (С) транспортное (ого) средство (а) z -го вида;

$C_{sz}^{i\hat{a}} (\tilde{N}_{sz}^{\hat{a}\hat{a}}), s = \overline{1, S}, z = \overline{1, Z}$ – себестоимость доставки на расстояние в 1 км одной единицы МГ s -го типа транспортным средством z -го вида при подвозе (вывозе) их до (с) места загрузки(разгрузки) магистрального транспорта;

$C_{sz}^i, s = \overline{1, S}, z = \overline{1, Z}$ – себестоимость доставки на расстояние в 1 км одной единицы МГ s -го типа при перевозке их магистральным транспортным средством z -го вида;

$C_{sr}^{i\hat{a}\hat{d}}, s = \overline{1, S}, r = \overline{1, R}$ – затраты на пересортицу, переукомплектование и консолидирование одной единицы МГ s -го типа с учетом тары перевозки на r -м региональном складе;

$t_{sr}^{i\hat{a}\hat{d}}, s = \overline{1, S}, r = \overline{1, R}$ – время пересортицы, переукомплектования и консолидирования одной единицы МГ s -го типа с учетом тары перевозки на r -м региональном складе;

$t_{sz}^{\zeta-P}, s = \overline{1, S}, z = \overline{1, Z}$ – время загрузки и разгрузки одной единицы МР s -го типа на (С) транспортное(ого) средство(а) z -го вида.

Будем считать, что объемы закупок на всех трех уровнях: центральном, региональном и местном – равны потребностям структурных подразделений в

МР, которые поступают на локальные склады. То есть имеет место система балансовых уравнений:

1. Если на r -ый региональный склад поступают МГ s -го типа в количестве:

$$K_{sr}^D = K_{sr}^{D\zeta} + K_{sr}^{\ddot{D}-D} \quad (1)$$

где $K_{sr}^D = K_{sr}^{D\zeta} + K_{sr}^{\ddot{D}-D}$ – количество МР s -го типа, доставляемых на r -тый региональный склад с центрального склада (определяется по заказам r -го регионального состава), то количество МГ s -го типа, поступающих на все региональные склады с центрального склада должно соответствовать количеству МГ этого же типа, которые отправляются с центрального склада:

$$K_s^U = \sum_{r=1}^R K_{sr}^{U-P} \quad (2)$$

2. Если на n -тый локальный склад поступают МГ s -го типа в количестве:

$$K_{sn}^{\ddot{E}} = K_{sn}^{\ddot{E}\zeta} + K_{srn}^{D-\ddot{E}} \quad (3)$$

где K_{srn}^{P-L} – количество МР s -го типа, доставляемых на n -тый локальный склад с r -го регионального склада (определяется по заказам n -го локального склада отдельного структурного подразделения), то количество МГ s -го типа, поступающих на все локальные склады со всех региональных складов должно соответствовать количеству МГ этого же типа, которые отправляются с региональных складов (K_s^P):

$$K_s^P = \sum_{r=1}^R K_{sr}^D = \sum_{r=1}^R \sum_{n=1}^N K_{srn}^{D-\ddot{E}} \quad (4)$$

3. Таким образом, потребности всех структурных подразделений в МР s -го типа (P_s) равны количеству МР этого типа, поступающих на их локальные составы (K_s^L):

$$P_s = K_s^{\ddot{E}} = \sum_{n=1}^N K_{sn}^{\ddot{E}\zeta} + \sum_{r=1}^R K_{sr}^{D\zeta} + K_s^{\ddot{O}} \quad (5)$$

В практике перевозок грузов в СМТО силовых структур применяется несколько вариантов доставки МР, которые различаются видами транспорта и транспортных средств, используемые, при этом каждый вид транспортного средства имеет свой уникальный номер $z = \overline{1, Z}$.

Следует подчеркнуть, что авиационные и автомобильные транспортные средства могут быть как собственными для силовых структур, так и наемными в транспортных организациях, оказывающих транспортно-экспедиционные услуги, железнодорожные транспортные средства – только наемными [7]. Эти различия обуславливают различные транспортные тарифы или цены на предоставление транспортных услуг [4].

Выбор того или иного вида транспорта или транспортных средств требует также учета определенных особенностей их использования, а именно: наличие специальных сетей доставки (железнодорожных путей, автомобильных путей) или терминалов (аэродромов); при использовании авиационного и железнодорожного видов транспорта как магистрального транспорта доставка грузов от склада отправителя до пункта отправки и от пункта назначения до склада-получателя осуществляется вспомогательным видом транспортных средств – собственным автомобильным транспортом или транспортными вертолетами в условиях повреждения наземных путей доставки с учетом характеристик соответствующих грузовых работ; считается, что время доставки грузов не зависит от количества МР, что перевозится, то есть отсутствуют ограничения по количеству транспортных средств любого вида для осуществления перевозок любого количества МР [8].

Учитывая особенности перевозок различных типов МР моделирования процесса доставки грузов в эшелонированной складской системе целесообразно осуществлять по отдельным типам МР с учетом видов транспорта или транспортных средств, используемых на тех или иных этапах доставки, путем задания соответствующих характеристик [9]. Главными показателями эффективности управления доставкой МГ между складами различных уровней СМТО силовых структур, учитывая некоммерческий характер деятельности этих систем, являются логистические издержки и время доставки [5].

Совокупные логистические затраты на доставку единицы МГ s-го типа транспортным средством z-го вида от центрального склада до g-го регионального склада рассчитывается по формуле:

$$F_{szr}^{\hat{O}-\hat{E}} = d^{i\hat{a}} (\tilde{N}_{sz}^{\hat{C}-\hat{D}} + \tilde{N}_{sz}^{i\hat{a}} L^{i\hat{a}}) + (C_{sz}^{\hat{C}-\hat{D}} + C_{sz}^i L_r^{\hat{O}-\hat{E}}) + d^{\hat{a}\hat{a}} (\tilde{N}_{sz}^{\hat{C}-\hat{D}} + \tilde{N}_{sz}^{\hat{a}\hat{a}} L^{\hat{a}\hat{a}}) \quad (6)$$

где $d^{i\hat{a}}$ ($d^{\hat{a}\hat{a}}$) – бинарные величины, показывающие использование вспомогательных транспортных средств для подвоза(вывоза) грузов(от) магистрального транспорта:

$$d^{i\hat{a}} (d^{\hat{a}\hat{a}}) = \begin{cases} 1 \\ 0, \end{cases}$$

$L^{i\hat{a}}$ ($L^{\hat{a}\hat{a}}$) – расстояние подвоза (вывоза) грузов к (от) места загрузки (разгрузки) магистрального транспорта.

Совокупные логистические затраты на доставку единицы МГ s-го типа транспортным средством z-го вида от g-го регионального склада до n-го локального склада рассчитываются по формуле:

$$F_{szrn}^{\hat{D}-\hat{E}} = d^{i\hat{a}} (\tilde{N}_{sz}^{\hat{C}-\hat{D}} + \tilde{N}_{sz}^{i\hat{a}} L^{i\hat{a}}) + (C_{sz}^{\hat{C}-\hat{D}} + C_{sz}^i L_r^{\hat{D}-\hat{E}}) + d^{\hat{a}\hat{a}} (\tilde{N}_{sz}^{\hat{C}-\hat{D}} + \tilde{N}_{sz}^{\hat{a}\hat{a}} L^{\hat{a}\hat{a}}) \quad (7)$$

Совокупные логистические затраты на доставку единицы МГ s-го типа в эшелонированной складской системе СМТО силовых структур с учетом переработки грузов на региональных складах составляют:

$$F_s^{\hat{O}-\hat{E}} = \sum_{z=1}^Z \sum_{r=1}^R F_{szr}^{\hat{O}-\hat{D}} + \sum_{r=1}^R C_{sr}^{i\hat{a}\hat{D}} + \sum_{z=1}^Z \sum_{r=1}^R \sum_{n=1}^N F_{szrn}^{\hat{D}-\hat{E}} \quad (8)$$

Время доставки грузов МР s-го типа транспортным средством z-го вида от центрального склада до g-го регионального склада определяется как:

$$t_{szr}^{\hat{O}-\hat{D}} = d^{i\hat{a}} (t_{sz}^{\hat{C}-\hat{D}} K_{sr}^{\hat{O}-\hat{D}} + L^{i\hat{a}} / U_z) + t_{sz}^{\hat{C}-\hat{D}} K_{sr}^{\hat{O}-\hat{D}} + L_r^{\hat{O}-\hat{D}} / U_z + t_z^{\hat{a}\hat{a}} + d^{\hat{a}\hat{a}} (t_{sz}^{\hat{C}-\hat{D}} K_{sr}^{\hat{O}-\hat{D}} + L^{i\hat{a}} / U_z) \quad (9)$$

где $t_z^{\hat{O}\hat{O}}$ – время на дополнительные операции в процессе перевозки грузов магистральным транспортным средством z-го вида.

Время доставки грузов МГ s-го типа транспортным средством z-го вида от g-го регионального склада до n-го локального склада определяется как:

$$t_{szrn}^{\hat{D}-\hat{E}} = d^{i\hat{a}} (t_{sz}^{\hat{C}-\hat{D}} K_{srn}^{\hat{D}-\hat{E}} + L^{i\hat{a}} / U_z) + t_{sz}^{\hat{C}-\hat{D}} K_{srn}^{\hat{D}-\hat{E}} + L_r^{\hat{D}-\hat{E}} / U_z + t_z^{\hat{a}\hat{a}} + d^{\hat{a}\hat{a}} (t_{sz}^{\hat{C}-\hat{D}} K_{srn}^{\hat{D}-\hat{E}} + L^{i\hat{a}} / U_z) \quad (10)$$

Учитывая, что процесс доставки того переработки грузов осуществляется параллельно по всем направлениям, будем считать, что все перевозки заканчиваются в момент, когда завершается самый продолжительный из них, а следовательно общее время доставки грузов МГ s-го типа от центрального склада до всех локальных складов структурных подразделений составляет:

$$\max t_s^{\hat{O}-\hat{E}} = \max t_{szr}^{\hat{O}-\hat{D}} + \max (t_{sr}^{i\hat{a}\hat{D}} K_{sr}^{\hat{D}}) + \max t_{szrn}^{\hat{D}-\hat{E}} \quad (11)$$

Оптимизационная задача управления доставкой МР в эшелонированной складской системе от центрального склада до локальных складов структурных подразделений силовых структур может иметь две формулировки:

1) при запланированном сроке доставки МР s-го типа (T_s^C) достичь минимума совокупных расходов на их перевозку:

$$\sum_{z=1}^Z \sum_{r=1}^R F_{szr}^{\hat{O}-\hat{D}} K_{sr}^{\hat{O}-\hat{D}} + \sum_{r=1}^R C_{sr}^{i\hat{a}\hat{D}} K_{sr}^{\hat{D}} + \sum_{z=1}^Z \sum_{r=1}^R \sum_{n=1}^N F_{szrn}^{\hat{D}-\hat{E}} K_{srn}^{\hat{D}-\hat{E}} \rightarrow \min$$

при ограничениях (2), (4), а также:

$$K_{sr}^{\hat{O}-\hat{D}} > 0, K_{sr}^{\hat{D}} > 0, K_{srn}^{\hat{D}-\hat{E}} > 0,$$

$$T_s \leq T_s^C.$$

2) при ограниченных финансовых ресурсах (C_s^B), выделенных на перевозку МР s-го типа, достичь минимума времени их доставки.

$$T_s = \max t_s^{\hat{O}-\hat{E}} \rightarrow \min$$

при ограничениях (2), (4), а также:

$$K_{sr}^{\hat{O}-\hat{D}} > 0, K_{sr}^{\hat{D}} > 0, K_{srn}^{\hat{D}-\hat{E}} > 0,$$

$$C_s \leq C_s^B.$$

Управление доставкой МГ в эшелонированной складской системе требует четкого понимания процесса перевозки грузов и учета всех возможных вариантов его организации с использованием различных видов транспорта и транспортных средств. Разработана экономико-математическая модель процесса доставки МР от центрального склада до локальных складов СМТО силовых структур позволяет сформулировать две основные оптимизационные задачи управления доставкой МГ по критериям минимума совокупных логистических затрат и времени на их перевозку.

Дальнейшие исследования данной проблемы целесообразно направить на разработку конкретных моделей и методов оптимизации управления

доставкой МГ в СМТО силовых структур с учетом смешанных перевозок.

Литература

1. Benarbia, T., & Kyamakya, K. (2022). A literature review of drone-based package delivery logistics systems and their implementation feasibility. *Sustainability (Switzerland)*, 14(1). <https://doi.org/10.3390/su14010360>
2. He, K., Shao, J., Liu, Y., & Dong, S. (2008). Conceptual design of rail transit based urban logistics delivery system. In *IEEE International Conference on Industrial Informatics (INDIN)* (pp. 221–226). <https://doi.org/10.1109/INDIN.2008.4618098>
3. Issaoui, Y., Khiat, A., Haricha, K., Bahnasse, A., & Ouajji, H. (2022). An Advanced System to Enhance and Optimize Delivery Operations in a Smart Logistics Environment. *IEEE Access*, 10, 6175–6193. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2022.3141311>
4. Li, X., Gong, L., Liu, X., Jiang, F., Shi, W., Fan, L., ... Xu, J. (2022). Solving the last mile problem in logistics: A mobile edge computing and blockchain-based unmanned aerial vehicle delivery system. *Concurrency and Computation: Practice and Experience*, 34(7). <https://doi.org/10.1002/cpe.6068>
5. Sárdi, D. L., & Bóna, K. (2021). Mesoscopic simulation model of the logistics system of concentrated sets of urban delivery locations. *International Journal of Simulation and Process Modelling*, 16(2), 116–129. <https://doi.org/10.1504/IJSPM.2021.115865>
6. Sárdi, D. L., & Bóna, K. (2019). Examination of logistics systems of concentrated sets of urban delivery points by simulation. In *International Conference on Harbour, Maritime and Multimodal Logistics Modelling and Simulation* (pp. 1–10).
7. Shevchuk, R., Kohut, I., Chopyk, P., Madiudia, I., & Melnyk, A. (2021). Cyber-Physical Integrated Transport and Warehouse Logistics System for Courier Delivery Service. In *2021 11th International Conference on Advanced Computer Information Technologies, ACIT 2021 - Proceedings* (pp. 652–656). <https://doi.org/10.1109/ACIT52158.2021.9548362>
8. Tan, H. (2020). Line inspection logistics robot delivery system based on machine vision and wireless communication. In *Proceedings - 2020 International Conference on Cyber-Enabled Distributed Computing and Knowledge Discovery, CyberC 2020* (pp. 366–374). <https://doi.org/10.1109/CyberC49757.2020.00069>
9. Voitshovskiy, V., Grygorak, M., Lytvynenko, S., Gabrielova, T., & Lytvynenko, L. (2022). Designing Integrated Cargo Delivery Systems on Logistics Principles. *Lecture Notes in Mechanical Engineering*, 73–82. https://doi.org/10.1007/978-3-030-85057-9_7
10. Wang, P., & Hu, X.-D. (2002). Decision support system of logistics delivery in agile manufacturing system. *Jisuanji Jicheng Zhizao Xitong/Computer Integrated Manufacturing Systems, CIMS*, 8(2), 132–136.

Methodology for substantiating the use of robotic systems for the delivery of material

Vedernikov A.G., Surikov A.N.

Military Institute (Engineering and Technical) of the Military Academy of Logistics
The main components of the infrastructure of macrologistics systems (SMTO), inherited from the time of centralized planned supply of power structures, are multi-level warehousing systems organized by types of provision (food, clothing, fuel and lubricants, etc.). A feature of the construction of such systems is their layered structure, which consists in the accumulation of the main volumes of material resources (MR) stocks in the warehouses of the highest level and periodic replenishment of the stocks of the warehouses of the lower level from the warehouses of the nearest higher level. In a market economy, when there is wide competition of suppliers of products in various markets (national, regional, local), wholesale discounts are applied for large volumes of purchases, the field of freight forwarding services is actively developing, the layered organization of the warehouse system has new advantages due to the reduction of logistics costs for the purchase and transportation of MG, storage of their stocks. This is also facilitated by the decentralization of logistics management of law enforcement agencies, which allows you to purchase the necessary products in those markets that provide the most favorable offers regarding the terms of its purchase and delivery according to criteria such as assortment, price and quality of products, reliability and timeliness of delivery.

Keywords: robotics, complex, material means, operation, delivery.

References

1. Benarbia, T., & Kyamakya, K. (2022). A literature review of drone-based package delivery logistics systems and their implementation feasibility. *Sustainability (Switzerland)*, 14(1). <https://doi.org/10.3390/su14010360>
2. He, K., Shao, J., Liu, Y., & Dong, S. (2008). Conceptual design of rail transit based urban logistics delivery system. In *IEEE International Conference on Industrial Informatics (INDIN)* (pp. 221–226). <https://doi.org/10.1109/INDIN.2008.4618098>
3. Issaoui, Y., Khiat, A., Haricha, K., Bahnasse, A., & Ouajji, H. (2022). An Advanced System to Enhance and Optimize Delivery Operations in a Smart Logistics Environment. *IEEE Access*, 10, 6175–6193. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2022.3141311>
4. Li, X., Gong, L., Liu, X., Jiang, F., Shi, W., Fan, L., ... Xu, J. (2022). Solving the last mile problem in logistics: A mobile edge computing and blockchain-based unmanned aerial vehicle delivery system. *Concurrency and Computation: Practice and Experience*, 34(7). <https://doi.org/10.1002/cpe.6068>
5. Sárdi, D. L., & Bóna, K. (2021). Mesoscopic simulation model of the logistics system of concentrated sets of urban delivery locations. *International Journal of Simulation and Process Modelling*, 16(2), 116–129. <https://doi.org/10.1504/IJSPM.2021.115865>
6. Sárdi, D. L., & Bóna, K. (2019). Examination of logistics systems of concentrated sets of urban delivery points by simulation. In *International Conference on Harbour, Maritime and Multimodal Logistics Modelling and Simulation* (pp. 1–10).
7. Shevchuk, R., Kohut, I., Chopyk, P., Madiudia, I., & Melnyk, A. (2021). Cyber-Physical Integrated Transport and Warehouse Logistics System for Courier Delivery Service. In *2021 11th International Conference on Advanced Computer Information Technologies, ACIT 2021 - Proceedings* (pp. 652–656). <https://doi.org/10.1109/ACIT52158.2021.9548362>
8. Tan, H. (2020). Line inspection logistics robot delivery system based on machine vision and wireless communication. In *Proceedings - 2020 International Conference on Cyber-Enabled Distributed Computing and Knowledge Discovery, CyberC 2020* (pp. 366–374). <https://doi.org/10.1109/CyberC49757.2020.00069>
9. Voitshovskiy, V., Grygorak, M., Lytvynenko, S., Gabrielova, T., & Lytvynenko, L. (2022). Designing Integrated Cargo Delivery Systems on Logistics Principles. *Lecture Notes in Mechanical Engineering*, 73–82. https://doi.org/10.1007/978-3-030-85057-9_7
10. Wang, P., & Hu, X.-D. (2002). Decision support system of logistics delivery in agile manufacturing system. *Jisuanji Jicheng Zhizao Xitong/Computer Integrated Manufacturing Systems, CIMS*, 8(2), 132–136.

Алиментная облигация

Филиппова Ольга Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, член Российской криминологической ассоциации, ovz24@ya.ru

Зацепин Михаил Николаевич

доктор юридических наук, профессор, Аналитик отдела научных исследований и международного сотрудничества УрГЭУ, mpz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права УрГЭУ, tp0507@ya.ru

Пермяков Максим Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцин, Уральский государственный юридический университет, pmv0929@yandex.ru

Семейное право в настоящее время нуждается в комплексной доработке, поскольку регулирует широкий перечень отношений, посредством которых вырабатываются меры, необходимые для обеспечения стабильности семьи и ее членов, в частности несовершеннолетних и инвалидов. В статье рассматривается регулирование алиментных обязательств в России с акцентом на главе 13 Семейного кодекса Российской Федерации, регулирующей алиментные обязательства. Автор исследовал ряд вопросов, связанных с алиментными обязательствами, и проанализировал их с учетом проблем правоприменительной практики.

Ключевые слова: алименты, супруги, дети, родители, семейное право, материальное обеспечение, правоотношения между членами семьи, взыскание, взаимопомощь, бабушка, дедушка, сестра, брат, пасынок, падчерица, отчим, мачеха.

The fifth section of the Family Code of the Russian Federation [1] regulates alimony obligations and sets out the financially vulnerable person's right to receive payments.

As things stand, the laws and practices pertaining to alimony need further elaboration.

Let's discuss the legal scholars' arguments regarding the definition of alimony or alimony obligations, and specific types and features of this institution of family law.

V.P. Nikitina suggests that alimony is an obligation under which, in cases expressly established by law, one family member must support other family members who are financially vulnerable [5, p. 275].

E.O. Zhuchkova defines alimony as financial or other support provided by a person (on which relevant obligation was imposed) to another person. E.O. Zhuchkova considers the absence of a common household between the alimony payer and the recipient as an important requirement for alimony obligations [4, p. 174].

L.M. Pchelintseva perceives alimony obligations as a legal relationship consisting of the obligation of one family member to support financially other eligible family members, as determined by a court or agreement. The author suggests that family members receiving alimony have the right to claim such payments [6, p. 351].

It is important to note that L.M. Pchelintseva distinguishes between the concepts of alimony and support. In her opinion, alimony is an element, an integral part of support within the context of legal relationship between family members.

A similar conclusion about the inconsistency of the concepts of support and alimony can be made when analyzing Article 80 of the Family Code. This rule suggests that the support provided to minor children is a direct obligation of their parents, and alimony obligations arise on the basis of other legal facts with a narrower focus. That is, the Family Code has a thin line separating support and alimony.

Legal analysis and existing regulations suggest that alimony cannot be equated with support. We agree with those who believe that alimony is a part of financial support of some family members by other family members. The Family Code of the Russian Federation establishes the following types of legal relationships arising from alimony obligations:

1. Between children and parents. This group includes alimony provided by:

- a) parents for minor children;
- b) parents for adult but disabled children;
- c) adult children for disabled parents in need of financial support.

2. Between spouses, former spouses.

3. Between other family members (grandparents, sisters, brothers, stepson, stepdaughter, stepfather, stepmother).

The right to alimony can be established both voluntarily (out-of-court) and by a legal procedure.

The alimony obligation should be viewed as a legal relationship based on a fact stipulated by law. By virtue of this obligation, some family members must provide support to other members of their family, and the latter have the right to demand such support [8, p. 186].

Specific features of alimony obligations:

1. They are based on peremptory norms of family law. For example, part 1, Article 80 of the Family Code of the Russian Federation provides for the parents' obligation to support their minor children. Article 116 of the Family Code of the Russian Federation stipulates the "inadmissibility of offsetting and refund of alimony payments" [1].

2. The financial nature of legal relationship. Alimony obligations mean a person's statutory obligation to pay money or provide property to an eligible person.

3. In addition to the financial nature of alimony obligations, they have features of personal legal relationship. Alimony obligation is a legal relationship of financial nature between persons. Researchers of family law suggest that the right to alimony is an example of the right to mutual aid of spouses enshrined in the law (clause 1 of article 1, clause 1 of article 89 of the Family Code of the Russian Federation), the child's right to receive care from parents (clause 2, article 54 of the Family Code of the Russian Federation), the right to priority protection of disabled family members (clause 3, article 1 of the Family Code of the Russian Federation).

4. Sophisticated structure of parties to legal relationship. The structure of parties to legal relationship stemming from alimony is well-defined. On top of that, the law establishes a number of requirements for the parties to alimony obligations - such individuals should possess a certain legal status of close kinship (spouses, children, parents and other family members).

5. The emergence, change and termination of alimony obligations are connected with facts determined by law (for example, the birth of a child, reaching by the child of a certain age, reinstatement of parental rights, etc.).

6. Alimony obligations are always reciprocal. This feature of the considered institute of family law implies the conditional nature of the rights and obligations of the parties to legal relationship arising from alimony. For example, the children's obligation to pay alimony to their parents ceases if the latter are deprived of parental rights (clause 5, Article 87 of the Family Code of the Russian Federation).

7. The obligation to pay alimony is enforced by the state, based on the responsibility established by rules of family, civil, administrative and criminal laws [10].

8. Alimony obligations may be primary (first priority) and vicarious (second priority) [7, p. 111].

9. There is an element of publicity in alimony obligations.

10. The crucial nature of alimony payer's earnings and his or her actual ability to pay alimony is an important feature of legal relationship arising from alimony. This is with the exception of the payment of alimony for the benefit of minor children. When supporting this category of persons, the payer's income has no legal implications. This statutory provision emphasizes the importance of the rule to protect a minor who is a vulnerable party to legal relationship.

11. Alimony obligations are continuing in nature. The latter outlined feature of alimony obligations gave rise to the enshrinement of the possibility to change the amount of alimony in relevant laws.

The amount of alimony may be increased or reduced. Furthermore, the laws provided for the possibility of exemption from alimony payments. The procedure for changing the amount of alimony begins with the preparation of a statement of claim. Pursuant to Russian laws, an alimony payer should file a claim to change the amount of alimony with the defendant's (claimant's) local court.

In real-world contexts, courts often have to consider claims to reduce the amount of alimony. In the Resolution of the Plenary Session No. 56 as of December 26, 2017 (clause 8), Supreme Court of the Russian Federation clearly stated that the decision on this issue is made by the court "taking into account the financial situation and family relations of the parties, as well as other relevant circumstances or interests of the parties" [2].

Here is an example from case history. On May 28, 2020, Belogorsk City Court of the Amur Region considered claim filed by FULL NAME 1 against FULL NAME 2 to reduce the amount of alimony. The claimant argued that the alimony payments paid to the first spouse as support of their joint child had to be reduced because of the birth of the second child in the second marriage. Yet, the claimant told that he was charged alimony for each child in the amount of 1/4 of all earnings, and the total alimony paid by him amounts to 70% of earnings, which exceeds the statutory percentage.

Therefore, he asked the court to reduce the amount of child support paid to his previous wife to 1/6 of all monthly earnings. After analyzing the case file, the judge ruled to dismiss the claimant's claims, since the birth of a child alone does not suggest a worsening of the financial situation, and no other documents suggesting the family's poor financial security were provided to the court. On top of that, the court ruling focuses on the arguments made by the Constitutional Court of the Russian Federation regarding relations arising from alimony and the need to balance the interests of minor children and their parents, based on the rules enshrined in the Constitution of the Russian Federation [3].

Therefore, as regards these issues, the courts review the formality of alimony obligations in respect of each particular child, pay attention to the fact whether the child lives together with the alimony payer or separately, clarifying other circumstances of the case.

As for changing the amount of alimony, the applicable laws of the Russian Federation provide for

changing the alimony payment method from a percentage of earnings to fixed monthly payments. Such changes are possible in the following situations:

1. when the child's interests are jeopardized by the original method of collecting child support;

2. when the defendant has income that is not included in the calculation of alimony payments. Such situations are quite common: alimony payers conceal their actual income, work without an employment contract (unreported employment), own expensive property, declaring a small income.

3. when it is difficult to collect alimony in the way that the court originally established.

Disputes over alimony payments arise quite often between parents. Reduction of alimony is typically claimed by the person paying alimony under a court order. A positive ruling on the claim is possible when the court is provided with evidence in support of the cause of action. Review of case history suggested that the judge decides whether to reduce the amount of payments relying on own inner conviction. When resolving disputes, the court takes into account the financial situation of both parties, making a decision in accordance with the requirement to protect the rights of the minor child, while trying not to hurt the person obliged to pay alimony.

As for the responsibility of persons who are held liable by the legislator for failure to fulfill maintenance obligations or obligations to pay funds for the maintenance of children and disabled parents, it is enshrined in accordance with the Code on Administrative Offenses, and the legislator toughens the responsibility of this category of persons in accordance with the criminal legislation, when revealing the fact of "malicious evasion" from the fulfillment of maintenance obligations. Thus, in accordance with the latest changes and amendments made to Federal Law No. 323 of 03.07.2016 regarding Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation, which were aimed at improving the Russian legislation in the field of protecting the rights of children and disabled parents, namely, a qualifying sign "malicious intent" was excluded from the wording of the article and an administrative prejudice was introduced, the criminogenic component in Russia improved significantly and already in 2016 the number of persons subjected to criminal prosecution decreased, but the root cause of the problem, regardless of the decrease in indicators, has not been resolved.

In the Russian family, administrative and criminal legislation, measures of parental responsibility have already been established. Moreover, they are largely redundant, corruptogenic and lead to groundless interference in family life, in the upbringing of children. They should not be expanded, but reworked towards a reasonable narrowing, creating a space of family autonomy that allows for the forceful state intervention only in exceptional cases.

By nature, a family is an independent social institution designed to ensure the stable existence of the state and its further social, economic and political prosperity in the world community.

Based on this statement, it seems necessary to point out the fact that in most cases an incomplete (single-parent) family, in the absence of one of the parents,

cannot fully provide for the proper psychological and socio-economic upbringing of a child.

In order to increase the chances of giving a "little citizen" the opportunity to receive full-fledged support, the legislator, as a state regulator of these relations, has taken on the function of forcing an unscrupulous parent to fulfill his direct obligations.

Everything would be alright, but the one thing - a child being brought up in an incomplete family does not get enough love, warmth, attention, care from one of the parents, which naturally occurs through the fault of adults, and in the event of state intervention in family relations and performance by the offender of all constituent elements of the offence under Part 1 of Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation, the latter incurs criminal punishment and, as a criminal legal consequence, gets convicted, which in turn has a detrimental effect on the future of a child who is already infringed in his rights, not to mention a moral component.

The very fact of convicting the offender in no way contributes to the parent's refusal to evade paying maintenance, but in the future, it makes matters worse for both a parent (with a criminal record it will be many times more difficult to find a job which will help pay maintenance) and an innocent child, since with the parent's existing criminal record a child will not be able to get a job in the public service.

The foregoing shows the need to amend the Criminal Code of the Russian Federation by excluding and decriminalizing this rule from the Criminal Code of the Russian Federation and including it in the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses by strengthening the existing rule and tightening the enforcement of sanctions (Article 5.35.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences), since, in fact, a sanction of current Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation does not achieve the goals of punishment set by the legislator (neither the achievement of social justice, the correction of a convict nor the prevention of new crimes has been achieved).

It should also be noted that in the text of Paragraph 1 of Article 69 of the Family Code of the Russian Federation (Deprivation of Parental Rights), malicious evasion from paying child maintenance, which is an example of evading parental duties, is indicated as one of the grounds for deprivation of parental rights. In order to accept such a fact as grounds for deprivation of parental rights, a parent does not have to be found guilty under Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation, it will be sufficient to bring him to administrative responsibility.

Thus, it appears appropriate to recommend to the judiciary to develop a practice of applying the above rule to deprive an unscrupulous parent of his parental rights in order to change a mother's social status from a "divorced woman" to a "single mother". Such status gives an incomplete family the right to receive cash payments from the state in the form of benefits and compensations, for example, a mother will be able to send her child to kindergarten, since the state will pay for a kindergarten place. Also, single mothers enjoy

some privileges, which are enshrined in the Labor Code.

Finally let's draw attention to the fact that current laws of the Russian Federation do not define the concepts of alimony, alimony obligations and support, which leads to discrepancies among researchers. There are arguments about the relationship between the categories of support and alimony, with different points of view regarding the very definition of the latter concept. Along with this, due to legal proceedings and insufficient competence in alimony issues the parties often engage professionals to represent them (lawyers) [11].

In our opinion, such doctrinal issue can be solved by amending article 80 of the Family Code of the Russian Federation. A paragraph describing the concept of alimony should be introduced in the above rule.

We also consider that the concept of support needs to be introduced as well. Such proposal would resolve existing disputes about the concept of alimony and its relationship to the concept of support in family law.

Despite the current uncertainty regarding definitions, alimony obligations are an independent institute of family law, as confirmed by a number of features of this phenomenon.

Unfortunately, in today's society, particularly in Russia, there is a negative tendency for some parents to ignore their constitutional duty to care for and educate their children. Court statistics suggest that over the past 5 years the number of cases involving the recovery of child alimony payments has been increasing. The problem can be viewed from two perspectives. On the one hand, this is a society-wide problem, which is becoming large scale because of the poor social responsibility and moral character of the parent who must pay alimony. The other side of this problem involves the lack of clear regulatory and legal framework for the recovery and collection of child support. It is also important to consider the fact that some children, who are legally eligible to receive support from their parents, do not in fact enjoy this right. There are a number of objective reasons for this: 1) poor or zero earnings of alimony payers; 2) underreporting of earnings by the alimony payer; 3) concealment of alimony payers' income and property from foreclosure; 4) the lack of effective nationwide arrangements intended to enhance and strengthen the family. Evading child support payments is still a serious issue for Russian families. Its scale can be estimated by looking at the total alimony arrears for 2019. Taxpayers owed their children approx. RUB 152 billion. Compared to 2012, debts have increased sevenfold — at that time the debt amounted to RUB 19.8 billion [9]. Every year laws are proposed to reduce the scale of the problem, but unfortunately adopting such laws takes time.

Therefore, in order to secure proper fulfillment of child support obligations by negligent parents, nationwide steps to improve the arrangements for recovery of child support money need to be taken:

- development of a common policy to strengthen families, marriage in particular;

- set-up of an alimony fund;
- development of steps to enhance the responsibility of debtors and methods of exerting psychological pressure on them.

These provisions should be incorporated into the family and criminal codes, the administrative offences code, and, importantly, in the existing system for the recovery of alimony.

References

1. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ as of December 29, 1995 (edited on July 2, 2021) // Rossiyskaya Gazeta, No. 17, January 27, 1996.

2. Resolution of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation No. 56 as of December 26, 2017 "On the application of laws and regulations by courts when considering cases involving the recovery of alimony" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 4, April, 2018.

3. Court Ruling No. 2-882/2020 2-882/2020~M-611/2020 M-611/2020 as of May 28, 2020 regarding Case No. 2-882/2020. <http://sudact.ru/regular/doc/J2dOBHW1KkVK/> (accessed on September 6, 2021).

4. Zhuchkova, O.E. Problems Arising When Applying the Rules of Family Law in Divorce Cases. M.: Yurlitinform, 2013. 594 p.

5. Nikitina, V.P. Problems with Regulation of Financial Relations in a Family. M., 1976. 775 p.

6. Pchelintseva, L.M. Family Law in Russia: Textbook for Universities. M., 1999. 634 p.

7. Romanova, I.N. Theoretical and Legal Aspects of Alimony Obligations: Grounds and Requirements // Rule of Law: Theory and Practice. 2019. No. 2 (56). P. 111-117.

8. Family law: textbook / ed. by A.A. Demichev. 2nd ed., revised and supplemented, Moscow: FORUM: INFRA-M, 2021. 301 p.

9. Media reported record RUB 152 billion overdue alimony payments in Russia. URL: <https://rbcru.turbopages.org/rbc.ru/s/society/12/02/2020/5e43ad209a79479b3c3d9f01> (Date of access: September 6, 2021).

10. Permyakov, M.V., Zatsepin, A.M. Evading to Pay the Child Support or Alimony to Incapacitated Parents // Textbook: Ekaterinburg: Azhur Publishing House, 2014

11. Permyakov, M.V. Defense Attorneys in Russia / M.V. Permyakov, A.G. Kilin, O.N. Khodasevich // Eurasian Law Journal, No. 8, 2021. P. 109-111.

Alimony Obligation

Filippova O.V., Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Permyakov M.V.

USUE, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

Family law currently needs comprehensive improvements, since it regulates a broad list of relations through which the arrangements necessary to ensure the stability of families and family members, and in particular of minors and disabled persons, are developed. This paper addresses regulation of alimony obligations in Russia, focusing on Chapter 13 of the Family Code of the Russian Federation, which regulates alimony obligations. The author explored a number of issues related to alimony obligations, and analyzed them given the problems of law enforcement practices.

Keywords: alimony, spouses, children, parents, family law, financial support, legal relationship among family members, collection, mutual aid, grandmother, grandfather, sister, brother, stepson, stepdaughter, stepfather, stepmother.

References

1. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ as of December 29, 1995 (edited on July 2, 2021) // Rossiyskaya Gazeta, No. 17, January 27, 1996.
2. Resolution of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation No. 56 as of December 26, 2017 "On the application of laws and regulations by courts when considering cases involving the recovery of alimony" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 4, April, 2018.
3. Court Ruling No. 2-882/2020 2-882/2020~M-611/2020 M-611/2020 as of May 28, 2020 regarding Case No. 2-882/2020. <http://sudact.ru/regular/doc/J2dOBHW1KkVK/> (accessed on September 6, 2021).
4. Zhuchkova, O.E. Problems Arising When Applying the Rules of Family Law in Divorce Cases. M.: Yurлитinform, 2013. 594 p.
5. Nikitina, V.P. Problems with Regulation of Financial Relations in a Family. M., 1976. 775 p.
6. Pchelintseva, L.M. Family Law in Russia: Textbook for Universities. M., 1999. 634 p.
7. Romanova, I.N. Theoretical and Legal Aspects of Alimony Obligations: Grounds and Requirements // Rule of Law: Theory and Practice. 2019. No. 2 (56). P. 111-117.
8. Family law: textbook / ed. by A.A. Demichev. 2nd ed., revised and supplemented, Moscow: FORUM: INFRA-M, 2021. 301 p.
9. Media reported record RUB 152 billion overdue alimony payments in Russia. URL: <https://rbcru.turbopages.org/rbc.ru/society/12/02/2020/5e43ad209a79479b3c3d9f01> (Date of access: September 6, 2021).
10. Permyakov, M.V., Zatsepin, A.M. Evading to Pay the Child Support or Alimony to Incapacitated Parents // Textbook: Ekaterinburg: Azhur Publishing House, 2014
11. Permyakov, M.V. Defense Attorneys in Russia / M.V. Permyakov, A.G. Kilin, O.N. Khodasevich // Eurasian Law Journal, No. 8, 2021. P. 109-111.

Основные аспекты правовых статусов и полномочий эксперта и специалиста на предварительном следствии и в суде

Хаметова Альфия Рашидовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», raschidova@rambler.ru

Эксперт и специалист привлекаются к процессам предварительного следствия и в суд как носители специальных знаний. Специальные знания – узкопрофильные профессиональные знания и умения в области науки, техники, искусства или ремесла, за исключением знаний в области юриспруденции. Отсутствие данного термина в законодательном массиве не позволяет с точностью определить пределы компетенции специалиста или эксперта. Рассмотрен круг лиц, которые могут выступать экспертами; кроме того, обозначены правовой статус и полномочия эксперта на предварительном следствии и в суде. Законодательными основами определения правового статуса эксперта являются ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ, КАС РФ, КАП РФ, а также ряд федеральных законов и подзаконных актов. Противоречивыми являются следующие аспекты правового статуса эксперта: правовой статус и полномочия частных экспертов, сбор доказательств экспертом, взаимопересечение функций эксперта и специалиста. Цели привлечения специалиста и эксперта к участию в предварительном следствии и в суде различаются, но при этом оба данных лица трактуются как «сведущие», т. е. обладающие специальными знаниями. Основные положения, призванные регулировать правовой статус специалиста в уголовном судопроизводстве, представлены в ст. ст. 58, 168, 280 УПК РФ. Спорными вопросами при разграничении компетенций и правового статуса эксперта и специалиста является возможность или невозможность наделения специалиста правом проведения исследований, а также включение заключения специалиста в спектр допустимых законом доказательств. Налицо необходимость более четкого разграничения правовых статусов и полномочий эксперта и специалиста.

Ключевые слова: правовой статус, полномочия, компетенция, специальное знание, эксперт, специалист, предварительное следствие, суд.

Эксперт и специалист, как в рамках предварительного следствия, так и в суде, являются носителями специальных знаний. Под специальными знаниями можно понимать узкопрофильные профессиональные знания и умения в области науки, техники, искусства или ремесла, которые представляют интерес для расследования. Из специальных знаний, кроме того, исключаются знания в области юриспруденции: решение юридических вопросов представляет собой прерогативу следователя, прокурора и суда. Российское уголовно-процессуальное законодательство не содержит легальной дефиниции специальных знаний, что препятствует обозначению их сущности и границ и, соответственно, негативно влияет на определение статуса и полномочий носителей подобных знаний. А. А. Эйсман представил довольно широкую дефиницию: специальные знания – знания, к которым отсутствует свободный доступ [21, с. 91]. М. К. Треушников, в свою очередь, под специальными знаниями подразумевает знания, находящиеся «за пределами общеизвестных обобщений, вытекающих из опыта людей» [16, с. 269]. Безусловно, подобные интерпретации нельзя положить в основу законодательной формулировки.

Необходимость (или ее отсутствие) внесения данного термина в законодательный массив является предметом обсуждения множества правоведов [7, с. 245]. Отсутствие определения специальных знаний как в специальной литературе, так и в законах РФ справедливо называют существенным упущением правового регулирования соответствующих правоотношений: полнота и четкость формулировки рассматриваемой категории определит и пределы компетенции конкретного специалиста или эксперта, и необходимость привлечения их к участию в уголовном процессе в принципе.

Тем не менее, законодатель, упустив дефинирование специальных знаний, предусмотрел указание на носителей подобных специальных знаний – эксперта и специалиста. Положения российского уголовно-процессуального законодательства эксперта и специалиста включают в перечень участников уголовного судопроизводства.

Экспертом не является любой носитель специального знания: эксперт должен быть привлечен к участию в процессе, назначен в установленном законом порядке и не заинтересован в исходе дела. Экспертами могут выступать только физические лица, следовательно, экспертом не могут быть государственные или коммерческие экспертные учре-

ждения [7, с. 245]. В современной научной юридической литературе иногда высказываются мнения о возможности привлечения в качестве экспертов систем «искусственного интеллекта», нейросетей с глубинным обучением, «интеллектуальных ассистентов». Однако такие предположения содержат оговорку о том, что подобные виртуальные системы в ближайшей обозримой перспективе не могут быть использованы для принятия решений в реальном судопроизводстве. А. В. Нестеров, Г. И. Муромцев и А. С. Василенко в данной связи утверждают: «идеалистическая идея только децентрализованного блокчейна не жизнеспособна и разработчикам придется от нее отказаться» [10, с. 39-40].

Рассмотрим правовой статус и полномочия эксперта на предварительном следствии и в суде. Эксперт несет личную ответственность за объективность и полноту проведенного им исследования; на основании исследования он производит обобщения, выводы и анализ, следовательно, в спектр его ответственности входит также предоставление научно обоснованных и достоверных результатов исследования [7, с. 245]. Правовед Я. В. Комисарова также указывает на правосубъектность эксперта: в силу специфики осуществляемых экспертом функций эксперт должен являться дееспособным. [5, с. 39-40]. Кроме того, исследователь дифференцирует права и обязанности эксперта по двум группам: собственно процессуальные и профессионально-процессуальные [5, с.40]. Важная оговорка при обозначении сущности деятельности эксперта: он не производит анализ уже имеющихся фактов, а добывает новые, которым уже дает профессиональную оценку, представленную в рамках заключения эксперта [14, с. 7].

Правовой статус эксперта формируется на базе комплекса прав, обязанностей, ответственности, регламентированных Гражданским процессуальным кодексом [2], Арбитражным процессуальным кодексом [1], Уголовно-процессуальным кодексом [18], Кодексом административного судопроизводства [3], Кодексом об административных правонарушениях [4], Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» [19]. Кроме того, правовой статус эксперта включает комплекс правовых норм Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [20] и ряда прочих законов и подзаконных актов.

В большинстве аспектов права обязанности и ответственность экспертов в вышеуказанных кодексах и законах совпадают, за исключением нескольких несоответствий. В частности, ст. 17 ФЗ ГСЭД гласит: «эксперт вправе делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний». Тем не менее, подобное право в рамках процессуальных кодексов (за исключением КАС), эксперту не предоставлено. Судебная практика показывает, что следователь и

суд, как правило, отказывают эксперту в реализации этого права на основании отсутствия соответствующей нормы в кодифицированных массивах.

В АПК и КоАП указано, что в обязанности эксперта входит явка по вызову суда (ст. 55 АПК), судьи, органа, должностного лица, в производстве которых находится дело (ст. 25.9 КоАП). Отказ от производства экспертизы, при этом, относится к правам эксперта, а не к его обязанностям. В УПК же в принципе отсутствует упоминание об обязанностях эксперта.

Довольно противоречивым является правовой статус и полномочия частных (так называемых независимых) экспертов, особенно в тех аспектах, где эти полномочия не обнаруживают корреляции с экспертами, представляющими экспертные учреждения. В обязательства частных экспертов не входит производство экспертизы; более того, принуждение лиц, обладающих специальными знаниями, к производству экспертизы вступает в противоречие со ст. 37 Конституции РФ, запрещающей принудительный труд и соответствующую ей ст. 4 «Запрещение принудительного труда» Трудового Кодекса.

Вполне естественным правом эксперта является ознакомление с материалами дела. Ч. 3 ст. 85 ГПК, п. 1 ч. 13 ст. 49 КАС и п. 1 ч. 3 ст. 57 УПК ограничивают данное право материалами, относящимися непосредственно к области экспертизы. Ст. 16 ФЗ ГСЭД воспрещает эксперту самостоятельно собирать материалы в целях проведения судебной экспертизы, но эти данные должны быть отображены следователем, судом, органом, рассматривающим дело. В АПК же данное ограничение отсутствует; ч. 3 ст. 55 АПК, в свою очередь, гласит: «эксперт вправе с разрешения арбитражного суда ознакомиться с материалами дела». Данная несогласованность в регламентации объемов материалов, которые могут быть предоставлены эксперту, приводит к тому, что в распоряжение эксперта предоставляется многотомное дело. Эксперт, в свою очередь, начинает выполнять обязанности субъектов, назначивших экспертизу, и самостоятельно проводит анализ материалов дела, выбирает те материалы, которые он должен изучить. Е. Р. Российская в данной связи указывает, что чаще всего подобная ситуация, связанная с неоправданным расширением компетенций и полномочий эксперта, наблюдается при судебно-экономических и пожарно-технических экспертизах. Данная проблема тесно взаимосвязана с проблемой недостаточной доказанности целесообразности самостоятельного сбора материалов экспертом. Подобная практика запрещена в ряде нормативных актов: ч. 2 ст. 85 ГПК; ч. 6 ст. 49 КАС; п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК; ст. 16 ФЗ ГСЭД. Но, тем не менее, зачастую эксперт вынужден заниматься сбором вещественных доказательств.

В случаях, к примеру, подтверждения или опровержения факта контактного взаимодействия, эксперт изучает не только предмет, с которым мог произойти контакт, но и ищет на нем микробиологические следы, обнаруженные следственной группой – следы биологического происхождения, волокна, микрофрагменты

стицы лакокрасочного покрытия, металла и пр. Соответственно, объектом, который был представлен в распоряжение эксперта, является носитель следа контакта, но на поиск следа контакта эксперт юридически уполномочен не был; хотя, с другой стороны, без поиска данного следа экспертиза не имеет смысла в принципе. Отсутствие поисковых усилий в целях обнаружения следа на носителе делает, по сущности, экспертизу нецелесообразной. Таким образом, фактически эксперт занимается сбором доказательств, хотя данных полномочий закон ему не предоставляет.

Данное противоречие уже давно вызывает споры среди процессуалистов; нельзя сказать, что оно было полностью устранено за годы дискуссий. По сущности, единственной мерой, принятой в данном направлении, является введение положений ч. 4 ст. 202 УПК о том, что если получение образцов для сравнительного исследования входит в процедуру судебной экспертизы, то оно может производиться экспертом.

Рассмотрим иные аспекты регулирования деятельности эксперта. Ч. 1 ст. 16 ФЗ ГСЭД запрещает эксперту разглашать сведения, которые стали ему известны в результате проведения экспертизы. Ч. 3 ст. 57 УПК содержит запрет на проведение экспертных исследований, могущих повлечь полное или частичное уничтожение объектов; в обязанности эксперта включается сохранение исходных свойств и параметров материалов и документов, представленных ему для экспертизы (ч. 1 ст. 85 ГПК; ч. 5 ст. 49 КАС).

Ст. 17 ФЗ ГСЭД; ч. 3 ст. 85 ГПК; п. 2 ч. 3 ст. 57 УПК; п. 4 ч. 13 ст. 49 КАС содержат указания о возможности привлечения к производству судебной экспертизы других экспертов. Привлечение дополнительных экспертов может быть обусловлено следующим: невозможность своевременного выполнения экспертизы по причине большого объема материала исследования; необходимость привлечения дополнительных технологий, приборов и оборудования, отсутствующих в экспертном учреждении; решение эксперта о расширении объема экспертизы в целях эффективизации процесса доказывания.

Таким образом, правовой статус и полномочия эксперта в некоторых аспектах пока не получили должного регулирования в законодательстве. Один и тот же эксперт способен выступать и в гражданском, и в уголовном, и в административном судопроизводстве, но при этом наблюдаются различия в его процессуальном статусе. Противоречия в правовом статусе эксперта, имеющиеся в законодательстве, негативно сказываются на результативности судебно-экспертной деятельности. В науке [12; 11 и др.] все чаще высказываются мнения о необходимости устранения противоречий и унификации норм, регламентирующих правовой статус эксперта.

Далее рассмотрим деятельность специалиста в контексте его правового статуса и полномочий, а также на предмет соотношения и пересече-

ния полномочий специалиста и полномочий эксперта. Ч. 1 ст. 58 УПК РФ указывает, что специалист представляет собой лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в целях содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов дела, а также с целью определения спектра вопросов, которые должны быть решены экспертом. Таким образом, специалист, согласно гл. 8 УПК РФ, является участником уголовного судопроизводства. Законодательная дефиниция, таким образом, уполномочивает специалиста на консультирование по специальным вопросам, входящим в сферу его компетенции и выдачу соответствующих заключений специалиста [Сергеева]. К участию в качестве специалиста могут быть привлечены лица, трудоустроенные в экспертном учреждении и обладающие квалификацией эксперта. Специалистами способны выступать также те лица, которые в силу профессии, специальности, выполняемой профессиональной функции обладают специальными знаниями.

Основные положения, призванные регулировать правовой статус специалиста в уголовном судопроизводстве, представлены в ст. ст. 58, 168, 280 УПК РФ. Кроме того, законодатель указывает, что специалист может привлекаться к участию в уголовном деле органами предварительного расследования и суда, либо приглашаться участниками дела. Законодательство в данном случае не делает различий в правовом статусе специалиста в зависимости от того, по чьей инициативе был задействован специалист.

Различием в регулировании деятельности специалиста и эксперта является то, что проведение переговоров с участниками уголовного судопроизводства в отношении судебной экспертизы прямо запрещено п. 1 ч. 4 ст. 57 УПК РФ – для эксперта; в отношении специалиста же подобного запрета нет. Кроме того, специалист вправе «задавать вопросы участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя и суда» (п. 2 ч. 3 ст. 58 УПК РФ).

Цели привлечения специалиста и эксперта к участию в предварительном следствии и в суде различаются, но при этом оба данных лица трактуются как «сведущие», т. е. обладающие специальными знаниями. Тем не менее, полномочием на проведение исследований и формирование выводов наделяется только эксперт. В. Н. Махов утверждает, что в ситуациях, когда заключения специалиста будут носить «форму выводного знания», разделение сведущих лиц на специалистов и экспертов становится в принципе нецелесообразным [9, с. 24].

Основным камнем преткновения правоведов в исследовании разграничения компетенций и правового статуса эксперта и специалиста является возможность или невозможность наделяния специалиста правом проведения исследований. Невозможность проведения специалистом исследований

правовед А. В. Кудрявцева аргументирует так: уровень познавательной деятельности, требуемый от специалиста, можно охарактеризовать как эмпирический или непосредственный, а от эксперта – логический или опосредованный [6, с. 487]. Против данного вывода можно привести следующий аргумент: любая познавательная деятельность осуществляется в единстве непосредственного и опосредованного; разграничить их (непосредственное – в ведение специалиста, опосредованное – эксперта) не представляется возможным. С. Б. Россинский говорит, что наделение специалиста правом на проведение исследования есть противоречие уголовно-процессуальному законодательству [13, с. 140]. Если допустить возможность выполнения исследований специалистами, потребность в экспертах исчезнет по причине сближения или даже отождествления функций и полномочий двух групп сведущих лиц.

Неоднозначным также является вопрос о заключении специалиста как виде доказательств. Многие правоведы подчеркивают доказательственное значение заключения специалиста, другие же настаивают на том, что заключение специалиста доказательственного значения иметь не может. О. С. Сергеева утверждает, что если включить заключение специалиста в спектр допустимых законом доказательств, это разрушит саму концепцию экспертов, а их заключения более не будут востребованы [15].

Современная российская уголовно-процессуальная наука до сих пор не пришла к консенсусу относительно отдельных элементов правового статуса специалиста и его компетенций. Тем не менее, не оспаривается то, что специалист – важный участник уголовного судопроизводства, функции которого направлены на защиту прав и законных интересов сторон обвинения и защиты.

На основании изложенного можно прийти к выводу о необходимости более четкого разграничения правовых статусов и полномочий эксперта и специалиста. С учетом того, что и специалист, и эксперт обладают специальными знаниями, правоприменителю важно иметь четкое представление о специфике, особенностях и целях их привлечения в уголовное судопроизводство и не допускать смешение их функций. Сопоставительный анализ законодательных норм, касающихся правового статуса и полномочий эксперта и специалиста показывает явную асимметрию в урегулировании деятельности двух вышеуказанных лиц: объем и глубина регулирования правового статуса эксперта явно превышают аналогичный объем, касаемый деятельности специалиста. Тогда как статус эксперта является в большей мере определенным, отдельные элементы правового статуса специалиста и формы его деятельности вызывают множество дискуссий [8, с. 137].

Проблемы, обозначенные в статье, свидетельствуют о необходимости теоретического и научного поиска в области определения правового статуса эксперта и специалиста. В частности, до сих пор не найден ответы на вопросы о дефинировании спе-

циальных знаний, возможности проведения исследования экспертом, возможности общения специалиста с участниками уголовного дела, признания заключения специалиста доказательством и др.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 19.07.2018) // Собрание законодательства РФ. – 09.03.2015. – № 10. – ст. 1391.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (КоАП РФ) (с изм. и доп. от 25 апреля, 25 июля, 30, 31 октября, 31 декабря 2002 г., 30 июня, 4 июля, 11 ноября, 8, 23 декабря 2003 г., 9 мая, 26, 28 июля, 20 августа, 25 октября, 28, 30 декабря 2004 г., 21 марта, 22 апреля, 9 мая, 18 июня, 2, 21, 22 июля, 27 сентября, 5, 19, 26, 27, 31 декабря 2005 г., 5 января, 2 февраля, 3, 16 марта 2006 г.) // Российская газета от 31 декабря 2001 г.
5. Комиссарова, Я. В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика / Я. В. Комиссарова. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 368 с.
6. Кудрявцева, А. В. Уровни решения задач как основание разграничения компетенции эксперта и специалиста / А. В. Кудрявцева // 50 лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 27-28 мая 2005 г. : в 2 ч. – Екатеринбург : Урал. гос. юрид. акад., 2005. – Ч. 1. – 511 с.
7. Лукошкина, С. В. К вопросу о понятии эксперта как участника уголовного судопроизводства / С. В. Лукошкина // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2018. – №1 (19). – С. 245-247.
8. Лукошкина, С. В. К вопросу о правовом статусе специалиста в российском уголовном судопроизводстве / С. В. Лукошкина, М. Ш. Буфетова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – №4 (26). – С.137-144
9. Махов, В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений / В. Н. Махов. – М. : Изд-во РУДН, 2000. – 296 с.
10. Нестеров, А. В. О процессуальной роли компетентного лица в цифровой среде / А. В. Нестеров, Г. И. Муромцев, А. С. Василенко // Административное и муниципальное право. – 2019. – №1. – С.36-41.
11. Овсянников, И. В. Заключение и показание специалиста / И. В. Овсянников // Законность. – 2005. – № 7. – С. 32-35.
12. Российская, Е. Р. О правовом статусе судебного эксперта / Е. Р. Российская // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2018. – №7 (47). //

Киберленинка. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovom-statuse-sudebnogo-eksperta>. – Дата доступа: 30.03.2022.

13. Россинский, С. Б. Эксперт – научный судья: возвращаемся к обсуждению позабытой проблемы / С. Б. Россинский // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – №4 (88). – С.132-141.

14. Сахнова, Т. В. Судебная экспертиза / Т. В. Сахнова. – М. : Городец, 1999. – 368 с.

15. Сергеева, О. С. К вопросу о разграничении функций эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве / О. С. Сергеева // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – №6 (14) // Киберленинка. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-razgranichenii-funktsiy-eksperta-i-spetsialista-v-ugolovnom-sudoproizvodstve>. – Дата доступа: 30.03.2022.

16. Треушников, М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. – М. : Городец, 2017. – С. 269.

17. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – 17 июня 1996 г. м № 25 – Ст. 2954.

18. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ // Российская газета. – 22 декабря 2001г. – №249.

19. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. - 25 июля 1994г. - №13. - Ст.1447.

20. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 04.06.2001. - № 23. - ст. 2291.

21. Эйсман, А. А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования / А. А. Эйсман. – М. : Юрлит, 1967. – С. 91.

Main aspects of the legal status and powers of an expert and a specialist in preliminary investigations and in court Khametova A.R.

Orenburg State University

An expert and a specialist are involved in the processes of preliminary investigation and in court as carriers of special knowledge. Special knowledge – narrow professional knowledge and skills in the field of science, technology, art or craft, with the exception of knowledge in the field of law. The absence of this term in the legislative acts does not allow to accurately determine the limits of the competence of a specialist or expert. The circle of persons who can act as experts is considered; in addition, the legal status and powers of an expert at a preliminary investigation and in court are indicated. The legislative bases for determining the legal status of an expert are the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, the APC of the Russian Federation, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the CAS of the Russian Federation, the CAP of the Russian Federation, as well as a number of federal laws and by-laws. The following aspects of the legal status of an expert are controversial: the legal status and powers of private experts, the collection of evidence by an expert, the intersection of the functions of an expert and a specialist. The aims of involving a specialist and an expert to participate in the preliminary investigation and in court differ, but at the same time, both of these specialists are treated as "possessing special knowledge". The main provisions reg-

ulating the legal status of a specialist in criminal proceedings are presented in Art. Art. 58, 168, 280 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Controversial issues in delimiting the competences and legal status of an expert and a specialist are the possibility or impossibility of empowering a specialist with the right to conduct research, as well as the inclusion of a specialist's opinion in the range of legal evidence. There is a need for a clearer distinction between the legal statuses and powers of an expert and a specialist.

Keywords: legal status, powers, competence, special knowledge, expert, specialist, preliminary investigation, court.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended and supplemented) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 30. - Art. 3012.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended and supplemented) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 46. - Art. 4532.
3. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated March 8, 2015 No. 21-FZ (as amended on July 19, 2018) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 09.03.2015. - No. 10. - art. 1391.
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 N 195-FZ (CAO RF) (as amended and supplemented on April 25, July 25, October 30, 31, December 31, 2002, June 30, July 4, November 11, December 8, 23, 2003, May 9, July 26, 28, August 20, October 25, December 28, 30, 2004, March 21, April 22, May 9, June 18, 2, July 21, 22, September 27, December 5, 19, 26, 27, 31, 2005, January 5, February 2, March 3, 16, 2006) // Rossiyskaya Gazeta, December 31, 2001
5. Komissarova, Ya. V. Professional activity of an expert in criminal proceedings: theory and practice / Ya. V. Komissarova. – М. : YurLitinform, 2014. – 368 p.
6. Kudryavtseva, A. V. Levels of problem solving as a basis for delimiting the competence of an expert and a specialist / A. V. Kudryavtseva // 50 years of the Department of Criminal Procedure of the Ural State Law Academy (SU): Materials of the Intern. scientific-practical. conf. Yekaterinburg, May 27-28, 2005: at 2 pm - Yekaterinburg: Ural. state legal Acad., 2005. - Part 1. - 511 p.
7. Lukoshkina, S. V. To the question of the concept of an expert as a participant in criminal proceedings / S. V. Lukoshkina // Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. - 2018. - No. 1 (19). – S. 245-247.
8. Lukoshkina, S. V. To the question of the legal status of a specialist in Russian criminal proceedings / S. V. Lukoshkina, M. Sh. Bufetova // Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. - 2019. - No. 4 (26). – P.137-144
9. Makhov, VN The use of knowledge of knowledgeable persons in the investigation of crimes / VN Makhov. - М. : Publishing House of RUDN University, 2000. - 296 p.
10. Nesterov, A. V. On the procedural role of a competent person in the digital environment / A. V. Nesterov, G. I. Muromtsev, A. S. Vasilenko // Administrative and municipal law. - 2019. - No. 1. - P.36-41.
11. Ovsyannikov, I. V. Conclusion and testimony of a specialist / I. V. Ovsyannikov // Legality. - 2005. - No. 7. - S. 32-35.
12. Russian, E. R. On the legal status of a forensic expert / E. R. Russian // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin. - No. 7 (47). // Cyberleninka. – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovom-statuse-sudebnogo-eksperta>. – Access date: 03/30/2022.
13. Rossinsky, S. B. Expert - scientific judge: returning to the discussion of a forgotten problem / S. B. Rossinsky // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - No. 4 (88). - P.132-141.
14. Sakhnova, T. V. Forensic examination / T. V. Sakhnova. - М. : Gorodets, 1999. - 368 p.
15. Sergeeva, O. S. On the issue of delimiting the functions of an expert and a specialist in criminal proceedings / O. S. Sergeeva // Siberian criminal procedure and forensic readings. - 2016. - No. 6 (14) // Cyberleninka. – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-razgranichenii-funktsiy-eksperta-i-spetsialista-v-ugolovnom-sudoproizvodstve>. – Access date: 03/30/2022.
16. Treushnikov, M. K. Judicial evidence / M. K. Treushnikov. - М. : Gorodets, 2017. - S. 269.
17. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation - June 17, 1996 No. 25 - Art. 2954.
18. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ // Rossiyskaya Gazeta. - December 22, 2001 - No. 249.
19. Federal constitutional law of July 21, 1994 N 1-FKZ "On the Constitutional Court of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. - July 25, 1994 - No. 13. - Art.1447.
20. Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 (as amended on March 8, 2015) "On State Forensic Activities in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 06/04/2001. - No. 23. - art. 2291.
21. Eisman, A. A. Expert opinion. Structure and scientific justification / A. A. Eisman. - М. : YurLit, 1967. - S. 91.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Асанов Владимир Валерьевич

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Военного университета,
vladimir.asanov@yandex.ru

Статья посвящена проблемам, возникающим в связи с предъявлением гражданского иска коммерческими организациями, которым был причинён ущерб преступлением. Обращается внимание на диспозитивный характер нормы законодательства об уголовном судопроизводстве, определяющей порядок предъявления гражданского иска и важности сохранения права самостоятельно выбирать способ защиты прав.

Ключевые слова: уголовный процесс, гражданский иск в уголовном процессе, исковое заявление, коммерческие организации.

Институт гражданского иска в уголовном процессе является важным способом защиты интересов лица и направлен на восстановление его нарушенных прав. В его основе лежит возможность разрешения одним судом нескольких вопросов, вытекающих из одного обстоятельства – факта совершения преступления, повлекшего определённого рода последствия.

Гражданский иск связан с производным обстоятельством преступления – причинением вреда лицу вследствие совершения такого преступления. Суд, наделённый полномочием рассмотрения гражданского иска одновременно с решением вопроса о виновности лица, призван оптимизировать процесс рассмотрения спора о возмещении вреда и сократить затраты лица на восстановление своего нарушенного права, а сама такая процедура предусматривает возможный способ защиты лицом своих прав в несколько «льготном», по сравнению с обычным способом возмещения вреда, порядке. При этом привилегированность рассматриваемого порядка состоит ещё и в том, что подобное возмещение вреда хотя и предполагает некоторые активные действия со стороны лица, выступающего в уголовном процессе в качестве гражданского истца, однако фактически объём его усилий значительно меньше, нежели в случае предъявления гражданского иска в обычном порядке, а часть обычных для истца усилий перекладывается на должностных лиц органов исполнительной власти, и, в частности на лиц, осуществляющих расследование преступлений.

В литературе высказываются различные суждения в отношении необходимости сохранения института гражданского иска в уголовном процессе и его использования в рамках уголовного судопроизводства. Например, В.С. Шадрин высказывает сомнения в целесообразности возложения на органы, осуществляющие расследование, подобной обязанности [1, с. 152].

Не ставя перед собой цели вступать в дискуссию замечу, что в настоящее время закон не исключает права лица самостоятельно выбирать способ определения стратегии поведения, который позволил бы ему достичь ожидаемого результата в части возмещения вреда от преступления. Предположу также что сохранение института гражданского иска в уголовном процессе демонстрирует не только волю законодателя, но и то, что для большинства граждан подобный механизм скорее всего будет оптимальным и более предпочтительным, по сравне-

нию с необходимостью самостоятельного обращения в суд за возмещением вреда, причиненного преступлением.

С другой стороны, сложно не признать, что процедура возмещения вреда в рамках гражданского иска в уголовном процессе в том виде, в каком она описана в законе, едва ли оптимальна. Тем более это становится заметным, когда речь заходит о возмещении вреда от преступлений, причиненного юридическим лицам и особенно коммерческим организациям.

Согласно ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, зарегистрированная в установленном порядке и которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. По смыслу ст. 50 ГК коммерческие организации преследуют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности.

Согласно ст. 44 УПК РФ правом на предъявление требования обладает физическое или юридическое лицо, имеющее основание полагать, что вред был причинен ему непосредственно преступлением. Причём ч. 1 ст. 44 УПК РФ указывает на то, что возмещению подлежит имущественный и моральный вред. Поскольку по смыслу ст. 1099 ГК РФ моральный вред подлежит возмещению гражданам, в рамках уголовного дела коммерческая организация в качестве гражданского истца имеет возможность взыскать лишь имущественный вред.

Вместе с тем, согласно ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков. Убытки включают в себя: 1) реальный ущерб, включающий в себя расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утраты или повреждения его имущества, а также 2) упущенную выгоду, то есть неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Законодатель отмечает, что если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы.

Вместе с тем, как отмечается в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», по смыслу ч. 1 ст. 44 УПК РФ требования имущественного характера хотя и связанные с преступлением, но относящиеся, в частности, к последующему восстановлению нарушенных прав потерпевшего (например, о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, о признании гражданско-правового договора недействительным), а также регрессные иски подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства. В этой части гражданский иск по уголовному делу суд оставляет без рассмотрения указанием в постановлении

(определении) или обвинительном приговоре мотивов принятия решения [2].

Таким образом, как в позиции законодателя, так и в позиции суда, очевидно прослеживается ограничение объема требований, подлежащих рассмотрению в рамках гражданского иска в уголовном процессе даже по сравнению с тем, который описан в ст. 15 ГК РФ. В то же время, обычная практика рассмотрения исковых требований в порядке гражданского судопроизводства и, тем более, в порядке арбитражного судопроизводства, иная и позволяет истцу рассчитывать в полной мере удовлетворить свои требования к ответчику. В таком случае, заявление требования о признании юридического лица гражданским ответчиком в рамках уголовного дела порой не выгодно для коммерческой организации, поскольку если не *de jure*, то *de facto* ограничивает их в правах, усложняя процедуру рассмотрения дела, которая в таком случае предполагает не только разделение требований, подлежащих рассмотрению в суде, но и порождает разное течение сроков рассмотрения таких требований, поскольку временные затраты при производстве по уголовному делу и при рассмотрении исковых требований в обычном порядке заметно отличаются друг от друга. В результате, в некоторых ситуациях коммерческая организация не только не сможет получить возмещение всех убытков в рамках одного требования, но и вынуждена будет прилагать дополнительные усилия по взысканию. Сам же момент возмещения может не только размываться во времени, но и, например, в случае прекращения производства по делу без разрешения вопроса о гражданском иске, и вовсе не наступит поскольку будет утрачено право лица на заявление соответствующего требования.

Описанный пример едва ли характеризует все потенциальные недостатки института гражданского иска в уголовном процессе для коммерческих организаций, вступающих в правоотношения по уголовному делу в качестве гражданского истца. С другой стороны, предложенный законодателем механизм действия равен в тех ситуациях, на которые он рассчитан. Законодатель не запрещает лицу, чьи права нарушены, воспользоваться тем способом защиты, который выгоден такому лицу в конкретной ситуации. Механизм защиты прав в рамках гражданского иска в уголовном процессе не лишён недостатков, хотя и может быть универсален. Мы можем по-разному относиться к нему, ожидать разного от него. Но и в существующем виде он полезен и востребован. Вопрос лишь в том, понимаем ли мы то, как действует данный способ защиты прав и умеем ли мы правильно его использовать. Едва ли для таких ситуаций должен быть универсальный подход. Скорее важны те решения, которые позволили бы заинтересованной стороне в полной мере и с наибольшей выгодой для себя защитить и реализовать свои права.

Литература

1. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2000. – 232 с.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // СПС «Гарант».

Some problems of bringing a civil claim by legal entities in criminal proceedings

Asanov V.V.

Military University

The article is devoted to the problems arising in connection with the filing of a civil action by commercial organizations that have been damaged by a crime. Attention is drawn to the dispositive nature of the norm of Criminal proceedings, which determines the procedure for filing a civil action and the importance of preserving the right to independently choose the method of protecting rights.

Keywords: criminal process, acivil action in criminal process, acivil action, commercial organizations.

References

1. Shadrin B.C. Ensuring the rights of the individual in the investigation of crimes. – M.: Yurlitin-form, 2000. – 232 p.
2. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2020 No. 23 “On the practice of consideration by the courts of a civil claim in a criminal case” // SPS “Garant”.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Басханов Ахмед Магомедович
адъюнкт, Волгоградской академии МВД России,
axmed.basxanov.95@mail.ru

Статья посвящена анализу уголовного законодательства отдельных стран постсоветского пространства в части регламентации ответственности за прикосновенность к преступлению. Автором выявлены особенности конструирования норм, устанавливающих ответственность за прикосновенность к преступлению, в уголовных законах Молдовы, Украины, Кыргызстана, Грузии и Армении. Сравнительно-правовой анализ имеет важнейшее значение, поскольку позволяет формулировать предложения по совершенствованию правовых институтов.

Ключевые слова: прикосновенность к преступлению, попустительство преступлению, недонесение, укрывательство, правовой институт.

В доктрине уголовного права институт прикосновенности к преступлению представлен заранее не обещанным укрывательством преступления, несообщением о готовящемся или совершенном преступлении, попустительством преступлению. В последние годы вопросы регламентации ответственности за обозначенные формы прикосновенности к преступлению находятся под пристальным вниманием правоведов. Большинство представителей научного сообщества сходятся во мнении, что анализируемый институт требует совершенствования. Полагаем, что формулированию предложений, направленных на модернизацию отечественного уголовного законодательства в части регламентации ответственности за прикосновенность к преступлению, будет способствовать, в частности, анализ уголовного законодательства стран постсоветского пространства.

Так, в Уголовных кодексах Молдовы и Украины прикосновенность к преступлению представлена одной нормой. Статья 396 Уголовного кодекса Украины предусматривает ответственность за заранее не обещанное сокрытие тяжкого или особо тяжкого преступления: часть 1 – «заранее не обещанное сокрытие тяжкого или особо тяжкого преступления – наказывается арестом на срок до трех месяцев или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок»; часть 2 – «не подлежат уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления члены семьи или близкие родственники лица, которое совершило преступление, круг которых определяется законом» [1].

В Уголовном кодексе Молдовы норма о прикосновенности к преступлению формулируется весьма необычно – «содействие правонарушению». Из смысла текста данной нормы – «предшествующее не обещанное одобрение тяжкого или особо тяжкого преступления наказывается лишением свободы на срок до 3 лет» – логично будет предположить, что она предусматривает ответственность за несообщение и заранее не обещанное укрывательство преступления [2].

В Уголовном кодексе Кыргызстана ответственность предусмотрена только за укрывательство преступлений. Статья 367 гласит: «1. Заранее не обещанное укрывательство тяжкого преступления – наказывается исправительными работами на срок от одного года до трех лет или штрафом от 200

до 500 расчетных показателей, или лишением свободы на срок до двух лет. 2. Заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления – наказывается штрафом от 500 до 1000 расчетных показателей или лишением свободы на срок от двух до пяти лет. Примечание. Не подлежат ответственности за заранее не обещанное укрывательство супруг или супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, полнородные и неполнородные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки лица, совершившего преступление» [3].

В Уголовном кодексе Грузии находят свое отражение две формы прикосновенности к преступлению. Статья 375 предусматривает ответственность за укрывательство тяжких или (и) особо тяжких преступлений, а также отдельных указанных преступлений. При этом в примечании установлено, что лицо освобождается от уголовной ответственности «за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного близким родственником, и ответственное лицо учреждения (убежища), оказывающего услуги жертвам торговли людьми (трефикинга), предусмотренного Законом Грузии «О борьбе против торговли людьми (трефикинга)». Статья 376 регламентирует ответственность за недонесение о преступлении: «Недонесение о преступлении лицом, которому доподлинно известно о готовящемся или совершенном тяжком или (и) особо тяжком преступлении, или (и) о преступлении, предусмотренном частью 3 статьи 171, частями 2 и 3 статьи 255, статьей 255¹ или 255² настоящего Кодекса, наказывается штрафом или лишением свободы на срок от двух до четырех лет» [4].

В Уголовном кодексе Армении также закреплены две формы прикосновенности к преступлению. Статья 334 в части первой предусматривает ответственность за заранее не обещанное укрывательство тяжкого или особо тяжкого преступления, а также орудий и средств совершения преступления, следов преступления или предметов, полученных преступным путем. Деяние наказывается штрафом в размере от 300 до 500 минимальных зарплат, либо с арестом на срок 1–3 месяца, либо с лишением свободы до 3 лет. В части второй установлено, что «супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление, не подлежат уголовной ответственности за не обещанное заранее сокрытие преступления». Статья 335 предусматривает ответственность за несообщение о тяжком или особо тяжком преступлении: «1. Несообщение о достоверно известном готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении – наказывается штрафом от трехсоткратного до пятисоткратного размера минимальной заработной платы либо арестом на срок от одного до трех месяцев, либо лишением свободы максимумом на срок два года. 2. Супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление, не подлежат уголовной ответственности за несообщение о преступлении» [5].

Таким образом, следует констатировать, что в проанализированных законодательствах стран постсоветского пространства институт прикосновенности имеет специфику конструирования. Обусловлено это, на наш взгляд, национальными особенностями государств.

Компаративистский анализ имеет важнейшее значение для всестороннего изучения любого правового института. Абсолютно очевидно, что сегодня институт прикосновенности к преступлению нуждается в совершенствовании. В целях формулирования предложений по модернизации института прикосновенности к преступлению необходим тщательный анализ уголовного законодательства других стран.

Литература

1. Уголовный кодекс Украины 2021. URL: <https://kku.com.ua/ru/> (дата обращения: 01.02.2022).
2. Criminal Code of the Republic of Moldova (2002, amended 2018) (English version). URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/> (дата обращения: 01.02.2022).
3. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (с изменениями от 18.01.2022 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 02.02.2022).
4. Уголовный кодекс Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=236> (дата обращения: 02.02.2022).
5. Уголовный кодекс Армении. URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/> (дата обращения: 07.07.2020).

Regulation of liability for touching a crime in the criminal legislation of the countries of the post-soviet space Baskhanov A.M.

Volgograd Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the criminal legislation of certain countries of the post-Soviet space regarding the regulation of liability for touching a crime. The author identified the peculiarities of designing norms establishing responsibility for touching a crime in the criminal laws of Moldova, Ukraine, Kyrgyzstan, Georgia and Armenia. Comparative legal analysis was essential, since it made it possible to formulate proposals for improving legal institutions.

Keywords: touch to crime, connivance to crime, failure to live, concealment, legal institution.

References

1. Criminal Code of Ukraine 2021. URL: <https://kku.com.ua/ru/> (date of access: 01.02.2022).
2. Criminal Code of the Republic of Moldova (2002, amended 2018) (Russian version). URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/> (Accessed 02/01/2022).
3. Criminal Code of the Kyrgyz Republic dated October 28, 2021 No. 127 (as amended on January 18, 2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (date of access: 02.02.2022).
4. Criminal Code of Georgia. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=236> (date of access: 02.02.2022).
5. Criminal Code of Armenia. URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/> (accessed 07/07/2020).

СУДЕБНЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ К НИМ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Баштинский Никита Виталиевич

курсант прокурорско-следственного факультета Военного университета, vu-nu@mil.ru

В статье рассмотрены существующие судебные гарантии прав военнослужащих при применении к ним мер процессуального принуждения в целях защиты прав и свобод военнослужащих, восстановления их нарушенных прав.

Ключевые слова: суд, судебные гарантии, меры процессуального принуждения.

Все военнослужащие независимо от воинского звания и должности равны перед законом и несут ответственность, установленную для граждан Российской Федерации, с учетом особенностей своего правового положения.

Уголовную ответственность военнослужащие несут за совершенные преступления в соответствии с законодательством Российской Федерации. За преступления против установленного порядка несения военной службы они несут ответственность согласно гл. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Учитывая особый правовой статус военнослужащих, законодатель предусмотрел особенности при применении к ним мер процессуального принуждения, назначаемых судом в случае привлечения военнослужащих к уголовной ответственности.

Практика показывает, что количество преступлений, совершаемых военнослужащими, не уменьшается, в связи с чем по каждому уголовному делу судья военного суда должен принять решение об избираемой мере процессуального принуждения в соответствии с ходатайством следователя, дознавателя. При этом анализ судебной практики показывает ошибочность применения мер процессуального принуждения в отдельных случаях по конкретным уголовным делам.

Военнослужащие в соответствии с федеральным законодательством обладают особым правовым статусом, который, в частности, предусматривает гарантии при применении к ним задержания.

Задержание военнослужащего в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством осуществляется на общих основаниях, но имеются некоторые исключения. Основания для задержания закреплены ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[1].

При задержании военнослужащих предусмотрены такие судебные гарантии как право на получение квалифицированной юридической помощи и презумпция невиновности.

Лишать свободы военнослужащего по общему правилу может только гарнизонный военный суд, в том числе и при применении к военнослужащему такой меры процессуального принуждения как содержание под стражей, это прямо указано в п. 5 ст. 31 УПК РФ. В судебной практике есть случаи применения меры процессуального принуждения в виде заключения под стражу судом общей юрисдикции подозреваемого военнослужащего, однако это допускается в исключительных случаях, когда необходимо оперативно принимать решение по

делу, а уже потом отдавать его по подследственности [1].

Рассматривая порядок задержания, следует отметить, что правом задержания военнослужащего помимо сотрудников правоохранительных органов на основании статей 91 и 92 УПК РФ обладает также и военный комендант гарнизона в случае подозрения военнослужащего в совершении преступления, после чего он обязан сообщить руководителю военного следственного органа Следственного комитета Российской Федерации, основываясь на статье 93.13 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации. Однако следует помнить, о существовании фактического задержания, которое может произвести самый широкий круг лиц (случайный прохожий, сам пострадавший от преступления и другие).

В практике военных судов имеются случаи применения к военнослужащему меры процессуального принуждения в виде подписки о невыезде.

В соответствии со ст. 105 УПК РФ в отношении несовершеннолетних может применяться специальная мера процессуального принуждения – присмотр за несовершеннолетним обвиняемым родителями, опекунов, попечителей, других заслуживающих доверия лиц, а также должностных лиц специализированного детского учреждения, в котором он находится (школы-интернаты, детские дома, приемники-распределители и т.п.).

Рассматриваемая мера процессуального принуждения является специальной, предусмотренной законом только по делам несовершеннолетних, и она обеспечивает максимальную интенсивность контроля за подростком, возможную без его заключения под стражу. К военнослужащим данная мера не может быть применена в связи с тем, что все военнослужащие являются совершеннолетними, но мы забываем о курсантах военных образовательных учреждений, которыми могут являться и несовершеннолетние. Курсанты, находящиеся в отпуске, в том числе и несовершеннолетние, так же могут совершить преступления, но они не перестают быть военнослужащими, по подсудности уголовное дело будет рассматриваться по месту совершения преступления и применять меру процессуального принуждения наблюдение командования воинской части нецелесообразно. Следует рассмотреть возможность применения к несовершеннолетним курсантам военных образовательных учреждений такой меры процессуального принуждения, как присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, так как это облегчит работу следственных органов по вызову данного лица.

Применение данной меры процессуального принуждения в отношении курсанта первого курса (17-летнего гражданина) будет отличаться от меры процессуального принуждения в отношении курсанта второго курса (18-летнего гражданина) данного военного образовательного учреждения. В отношении первого можно будет применить такую меру процессуального принуждения, как присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, так как он не

достиг 18-летнего возраста, хоть и является военнослужащим. В отношении второго будет применяться наблюдение командования воинской части либо иная мера процессуального принуждения.

В случае, когда эти два курсанта в группе лиц (соучастии) совершили одно и то же преступление, к ним также могут быть применены различные меры процессуального принуждения, что позволит обеспечить их раздельное содержание и не будет нарушать права и свободы.

Различия правового статуса данной категории военнослужащих в возможности применения к ним той или иной меры процессуального принуждения целесообразно закрепить в законодательстве или нормативном правовом акте Министра обороны Российской Федерации. Данное положение о несовершеннолетних курсантах военных образовательных учреждений зафиксировало бы возможность применения в отношении них меры процессуального принуждения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым).

Касаемо ч. 4 ст. 104 УПК РФ следует отметить, что в ней не предусмотрено никакой ответственности командования за нарушение меры процессуального принуждения, допущенное лицом, отданным под наблюдение. Введение такой ответственности по аналогии со ст. 103 УПК РФ способствовало бы повышению эффективности данной меры.

Возможность применения денежного взыскания за ненадлежащее наблюдение, на наш взгляд, способствовало бы более эффективному применению данной меры. Если назначенный командир будет осознавать неотвратимость наступления ответственности за ненадлежащее наблюдение, то отношение и организация выйдет на более высокий уровень, что позволит снизить количество случаев скрытия военнослужащего от следствия, суда и дальнейшие затраты времени на его поиски.

Таким образом, наше предложение состоит в том, чтобы дополнить пункт 4 ст. 104 УПК РФ, следующим образом:

«В случае совершения подозреваемым, обвиняемым действий, для предупреждения которых была избрана данная мера пресечения, командование воинской части немедленно сообщает об этом в орган, избравший данную меру процессуального принуждения, а ответственный командир, может подвергаться денежному взысканию, налагаемому в порядке статьи 118 настоящего Кодекса».

Временное отстранение от должности – иная мера уголовно-процессуального принуждения, состоящая во временном запрете обвиняемому (подозреваемому) исполнять свои должностные обязанности.

Отстранение от должности – мера пресечения нарушения воинской дисциплины или преступления, применяемая в крайних, не терпящих отлагательств случаях, т.е. когда очевидно не только несоответствие лица занимаемой должности, но и то обстоятельство, что его дальнейшее пребывание в занимаемой должности несовместимо с исполнением служебных обязанностей, поскольку им

причинен или высока вероятность причинения имущественного ущерба или нематериального вреда интересам Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов [2, с.140].

Таким образом, отстранение военнослужащего от должности может осуществляться с целью пресечения деяния, подпадающего под признаки состава преступления [3].

Необходимость отстранения от должности в первом случае возникает при наличии оснований полагать, что обвиняемый военнослужащий может:

- а) продолжать преступную деятельность с использованием служебного положения;
- б) препятствовать установлению истины (изъять документы, воздействовать на свидетелей из числа подчиненных и т.д.).

Отстранение от должности отменяется, когда в применении этой меры отпадает дальнейшая необходимость (ст. 114 УПК РФ). Но нахождение военнослужащего в распоряжении на основании, предусмотренном подп. «в» п. 2 ст. 13 Положения о порядке прохождения военной службы, в любом случае продолжается до вынесения решения по возбужденному в отношении его уголовному делу.

Как подтверждает судебная практика военных судов, подсудимые военнослужащие обращаются в вышестоящие инстанции с жалобами о незаконном применении к ним мер процессуального принуждения.

Проанализировав материалы судебной практики и нормы действующего законодательства, можно сделать вывод, что иные меры принуждения, перечисленные в ст. 111 УПК РФ, также могут применяться к военнослужащим. Вопрос о применении таких мер рассматривается военным судом при соблюдении принципа подсудности.

Считаем, что применение такой меры процессуального принуждения, как наблюдение командования войсковой части к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту не совсем правильно и целесообразно, поскольку применение данной меры принуждения будет эффективно только при проживании подозреваемого (обвиняемого) в жилищно-казарменном фонде воинской части. Но исключая из статьи 104 УПК РФ военнослужащих по контракту, назначаться им будет более строгая мера процессуального принуждения, а это нарушает принцип справедливости, так как исходя из всех обстоятельств уголовного дела наблюдение командования воинской части может обеспечить достаточный контроль за подозреваемым (обвиняемым).

Вполне обоснованным является внесение изменений в ч. 4 ст. 104 УПК РФ и введение для командиров, недобросовестно исполняющих свои обязанности по наблюдению за подозреваемым (обвиняемым), денежного взыскания, налагаемого в порядке статьи 118 настоящего Кодекса.

Литература

1. Московский областной суд оставил бывшему сотруднику УФСБ России, обвиняемому в организации убийства, меру пресечения в виде заключения под стражей // Официальный сайт Московского областного суда. – URL: http://www.mosoblsud.ru/ss_detale.php?id=142182 (дата обращения 21.01.2022)

2. Кудашкин А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 572 с.

3. Ковалев А.С. Отстранение военнослужащего от должности как мера государственного принуждения: основания, порядок, правовые последствия применения // Право в Вооруженных Силах. – 2007. – № 1.

Judicial guarantees of the rights of military servicemen when the measures of procedural compulsory are applied to them Bashtinskiy N.V.

Military University

The article considers the existing judicial guarantees of the rights of military personnel when applying procedural coercion measures to them in order to protect the rights and freedoms of military personnel, to restore their violated rights.

Keywords: court, judicial guarantees, measures of procedural coercion.

References

1. The Moscow Regional Court left the former employee of the Federal Security Service of Russia, accused of organizing the murder, a measure of restraint in the form of detention" // Official website of the Moscow Regional Court. – URL: http://www.mosoblsud.ru/ss_detale.php?id=142182 (Accessed 01/21/2022)
2. Kudashkin A.V. Military service in the Russian Federation: theory and practice of legal regulation. - St. Petersburg: Jurid. Center Press, 2003. - 572 p.
3. Kovalev A.S. Removal of a serviceman from office as a measure of state coercion: grounds, order, legal consequences of application // Law in the Armed Forces. -2007. - No. 1.

ВИДЫ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО (НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ)

Винокурова Людмила Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, практикующий юрист,
vinokurova1953@yandex.ru

Данная тема актуальна как для материального так и для процессуального права. Для целей настоящей статьи представляет интерес освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (статья 75 Уголовного Кодекса Российской Федерации, статья 28 Уголовно–процессуального Кодекса), освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (статья 76 Уголовного Кодекса Российской Федерации, статья 25 Уголовно–процессуального Кодекса Российской Федерации). В статье определены виды законных интересов потерпевшего. Это материальные и нематериальные законные интересы. Раскрываются их виды, содержание. Их исследование по этому поводу нужны для организации практики правоохранительных органов по их удовлетворению в сферах гражданского, уголовного и уголовно–процессуального права.

Ключевые слова: привлечение к уголовной ответственности, освобождение от уголовной ответственности, деятельность правоохранительных органов и их должностных лиц, законные интересы потерпевшего, их виды, содержание, материальные и нематериальные законные интересы потерпевшего.

Данная статья имеет целью исследование вопросов о видах законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Они подразделяются на материальные и нематериальные, конечные и промежуточные, процессуальные интересы.

Автор статьи останавливается на этих видах законных интересов потерпевшего применительно к институту освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности. Ранее характеристика законных интересов потерпевшего в этом разрезе в юридической литературе не исследовалась.

Этот вопрос являлся предметом рассмотрения Верховным Судом Российской Федерации с точки зрения его значения для практики освобождения от уголовной ответственности судами Российской Федерации по вышеуказанным основаниям. [1]

Данная тема актуальна как для материального, так и процессуального права.

Материальные и нематериальные, промежуточные и конечные, процессуальные интересы потерпевшего основаны на нормах уголовного права (статьи 75–76 Уголовного Кодекса РФ) [2], на нормах статей 25 и 28 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации [3] в части освобождения лица, причинившего вред потерпевшему, от уголовной ответственности. А также на нормах гражданского права [4] об ответственности за причинение вреда (статья 1064 Гражданского Кодекса Российской Федерации), освобождению его от наказания, о компенсации морального вреда (статья 1100 Гражданского Кодекса Российской Федерации, статьи 151–152 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Моральный интерес и его компенсационный характер основан на нормах гражданского законодательства. Физический интерес также основан на нормах гражданского права и является составной частью морального вреда. В связи с этим он подлежит денежной компенсации.

В статье рассматриваются вопросы о степени и форме возмещения вреда и мнение потерпевшего по вопросу об освобождении лица от уголовной ответственности.

Под уголовной ответственностью понимается деятельность государства по реализации в отношении лица, совершившего преступление, мер осуждения и наказания [5, с. 8].

В свою очередь под освобождением лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности понимается отказ государства от реализации в отношении его осуждения и наказания [6, с. 73].

Термин вред – это специфическое понятие деликтного обязательства. Он является, с одной стороны, основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, и мерой ответственности, с другой стороны. Относительно института освобождения лица, совершившего преступление, таким деликтом является преступление. Этим объясняются особенности применения норм гражданского, уголовного, уголовно–процессуального отраслей права к обязательствам, возникающим из причинения вреда. В частности, к особенностям относятся такие понятия как конечный и промежуточный интересы, материальные и нематериальные интересы потерпевшего, денежная компенсация морального и физического вреда, возмещение ущерба в натуре и убытков в денежной компенсации и (или) заглаживание вреда.

Институт освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности неразрывно связан с реализацией общеправовых принципов как справедливость и гуманизм.

Учитывая число прекращенных уголовных дел в связи с освобождением лица от уголовной ответственности, а также вышеназванные принципы права, нормы права обязывают еще на стадиях возбуждения уголовного дела и его расследования проверять, есть ли основания для применения к лицу, совершившему преступление, положений статей 75, 76, 76¹ или 78 Уголовного Кодекса Российской Федерации, статей 25 и 28 Уголовно–процессуального Кодекса Российской Федерации). В том случае, когда в уголовном деле участвует несколько потерпевших, то примирение должно касаться каждого из них.

Соответственно законным интересом потерпевшего является осознанная необходимость в освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности, об отказе государства от ее реализации в отношении этого лица. Этот интерес может быть определен как конечный [7].

Институт освобождения от уголовной ответственности рассматривается как не реабилитирующее основание для прекращения уголовной ответственности либо наказания.

С ним связаны устремления потерпевшего возложить на лицо, совершившее преступление, уголовную ответственность или осуждение и наказание такого лица. При наличии определенных обстоятельств, изложенных выше, потерпевший может рассмотреть этот вопрос. Многое во мнении потерпевшего по этому институту зависит от степени и формы возмещения вреда (имущественного, физического, морального) и (или) заглаживания морального, физического вреда.

Материальные и нематериальные законные интересы потерпевшего по делам об освобождении от уголовной ответственности обвиняемого по статьям 75 и 76 Уголовного Кодекса Российской Федерации, статьями 25 и 28 Уголовно–процессуального Кодекса Российской Федерации заключаются в том, чтобы: 1) ему был возмещен ущерб; 2) и (или) заглажен причиненный ему вред; 3) совершены иные

меры, направленные на восстановление, нарушенных в результате преступления, прав и законных интересов потерпевшего (размер возмещенного ущерба, форма возмещения, предоставление имущества взамен утраченного, ремонт или исправление поврежденного имущества, возмещение физического вреда; 4) было достигнуто примирение лица, освобождаемого от уголовной ответственности, с потерпевшим; 5) лицо было освобождено от уголовной ответственности обоснованно, 6) согласие потерпевшего на освобождение лица от уголовной ответственности прямо предусмотрено ст. 76 Уголовного Кодекса Российской Федерации; 7) на основании заявления потерпевшего (статья 25 Уголовно–процессуального Кодекса Российской Федерации). Под материальными интересами потерпевшего, как следует из научных трудов, следует понимать те из них, которые лежат в основе обязательств из причинения вреда. Они называются деликтными обязательствами в гражданском праве.

Это промежуточные материальные интересы, основанные на нормах уголовного и гражданского права. В частности, учение о деликтных обязательствах.

Согласно статье 75 Уголовного Кодекса Российской Федерации возмещение ущерба – это один из способов заглаживания вреда. Он находится в одном ряду с последним. По постановлению же Пленума Верховного Суда РФ № 19 «Возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда (статьи 75, 76, 76¹ Уголовного Кодекса Российской Федерации)» – самостоятельные понятия. Об этом свидетельствуют соединительный и разделительный союзы в словах возмещение ущерба и заглаживание вреда или имущественный ущерб, или заглаживание вреда.

По статье 25 Уголовно–процессуального Кодекса Российской Федерации заглаживание вреда не одно и то же возмещению ущерба. И рассматривается законодателем как самостоятельное основание для освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности.

Но при этом нужно учесть, что, исходя из смысла части 1 статьи 75 Уголовного Кодекса Российской Федерации, под заглаживанием вреда понимается денежная компенсация морального вреда. Также возможно оказание помощи потерпевшему иным способом в целях восстановления, нарушенных в результате преступления, прав и законных интересов потерпевшего.

Под заглаживаем вреда в смысле статьи 76 Уголовного Кодекса Российской Федерации следует понимать возмещение ущерба, принятие иных мер для принятия решения об освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности.

Способы заглаживания вреда, которые должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц, а также размер его возмещения определяются потерпевшим. К иным мерам относятся ходатайство потерпевшего о госпитализации его в больницу, в клинику, возмещение стоимости лече-

ния, лекарств, протезирование, обеспечение личным и общественным транспортом. Для того, чтобы быть точным в определении понятий вреда и имущественного ущерба, возмещения убытков, необходимо под заглаживанием вреда понимать денежную компенсацию морального вреда. В литературе по этому поводу имеются различные точки зрения. По мнению авторов учебного пособия В.Т. Смирнова и А.А. Собчака заглаживание вреда – это не денежная компенсация морального вреда, как считают некоторые авторы, а способы и формы ликвидации имущественных последствий преступления, устранение или заглаживания вреда [8, с. 60].

В свою очередь возмещение материального вреда – это возмещение вреда в натуре, возмещение убытков – имущественный ущерб в его денежной компенсации.

Под вредом понимается посягательство на благо (законный интерес) и субъективное (абсолютное право) потерпевшего.

В свою очередь под благом понимается, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемые и непередаваемые иным способом интересы. Благо – объект интереса.

Освобождение от уголовной ответственности. Освобождение от уголовного преследования.

Институт освобождения от уголовной ответственности и институт освобождения от уголовного преследования в их процессуальном значении являются равнозначными понятиями и влекут за собой отказ в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования согласно положениям главы 4 Уголовно–процессуального Кодекса РФ.

Процессуальная деятельность, которая осуществляется в рамках уголовного судопроизводства стороной обвинения в целях изобличения лица, совершившего преступление, называется уголовным преследованием. К стороне обвинения относятся потерпевший, его законный представитель и представитель (статья 5 пункт 55 Уголовно–процессуального Кодекса Российской Федерации РФ, статьи 4, 5 Уголовно–процессуального Кодекса Российской Федерации).

По делам частного обвинения потерпевший вправе выдвигать и поддерживать обвинение в порядке, установленном Уголовно–процессуальным Кодексом Российской Федерации (статья 23).

В этом заключается процессуальный интерес потерпевшего. Он основан на нормах процессуального права, содержащих права потерпевшего на участие в уголовном преследовании.

Под способами возмещения вреда понимается возмещение вреда как в натуре (предоставление вещи того же рода и качества, исправление поврежденной вещи, иное), так и в денежной форме, а значит возместить причиненные убытки (пункт 2 статьи 15 Гражданского Кодекса Российской Федерации, статья 1082 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Вред может быть имущественным, физическим и моральным. Ранее обращалось внимание на то, что физический вред является спо-

собом компенсации морального вреда, под которым понимаются физические страдания потерпевшего.

Согласно положений пункта 1 статьи 1064 Гражданского Кодекса Российской Федерации: «Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившем вред».

Основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются статьями 1099, 151 Гражданского Кодекса Российской Федерации. Моральный вред, в смысле вышеназванных норм Гражданского Кодекса Российской Федерации, подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом. Моральный вред компенсируется независимо от возмещения имущественного вреда.

Из пункта 3 статьи 1099 Гражданского Кодекса Российской Федерации следует, что речь идет о возмещении имущественного вреда и компенсации морального вреда.

Потерпевшему может быть причинен физический вред. Ответственность за возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, регулируется параграфом 2 главы 59 «обязательства вследствие причинения вреда» Гражданского Кодекса Российской Федерации. В статье 1085 Гражданского Кодекса Российской Федерации «Объем и характер возмещения вреда, причиненного повреждением здоровью» раскрываются виды вреда здоровью и способы его заглаживания. «При причинении гражданину увечья или ином повреждении его здоровью возмещению подлежит утраченный потерпевшим заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи ухода и не имеет права на их бесплатное получение» (пункт 1 статьи 1085 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Изложенные нормы гражданского права распространяют свое действие на все возможные случаи возмещения вреда здоровью, смерти кормильца. В том числе, основанных на трудовом, административном, уголовном праве. Это общие условия возмещения вреда, причиненного преступлением, жизни и здоровью граждан. Особенности применения общих условий в рамках уголовной ответственности и освобождения от нее заключаются в заглаживании вреда потерпевшему путем компенсации ему морального и физического вреда.

Статьей 1088 Гражданского Кодекса Российской Федерации регулируется «возмещение вреда лица, понесшим ущерб в результате смерти кормильца».

Согласно статье 151 Гражданского Кодекса Российской Федерации: «Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные

неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации морального вреда». Глава 8 Гражданского Кодекса Российской Федерации регулирует понятие нематериальных благ и способы их защиты только в судебном порядке и только в отношении граждан.

Таким образом, институт освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим имеет как практическое, так и теоретическое, научное значение. На нем основаны материальные и нематериальные, конечные и промежуточные, процессуальные законные интересы потерпевшего. Этот вопрос являлся предметом рассмотрения Верховным Судом Российской Федерации с точки зрения его значения для практики освобождения от уголовной ответственности судами Российской Федерации по вышеназванным основаниям.

В статье рассматривался вопрос о степени и формах возмещения вреда и мнения об этом потерпевшего.

На основе анализа положений статей 75 и 76 Уголовного Кодекса Российской Федерации и статей 25 и 28 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации исследовались понятия вреда, способы его заглаживания лицом, совершившим преступление, для получения согласия потерпевшего на прекращение уголовного дела.

Автор настоящей статьи останавливается на вопросе о процессуальном интересе потерпевшего, который заключается в уголовном преследовании лица, совершившего преступление и подлежащего освобождению от уголовной ответственности.

Литература

1. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 (ред. от 29.11.2016) // Сайт Верховного Суда Российской Федерации: URL: <http://vsrf.ru> (дата обращения: 22.02.2022).

2. Уголовный Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 28.01.2022) // Официальный электронный источник правовой информации – сайт: URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 22.02.2022).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 22 ноября 2001 г. № 177-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // Официальный электронный источник правовой информации – сайт: URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 22.02.2022).

4. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон РФ от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Официальный электронный источник правовой информации – сайт: URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 22.02.2022).

5. Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. – Москва: Юридическая литература, 1971. – 133с.

6. Кузнецов А.В. Уголовное право и личность. – Москва: Юридическая литература, 1977. – 168 с.

7. Винокурова Л.В. Постановка проблемы о материальном и процессуальном в правовом положении потерпевшего // Юридическая наука, образование и практика: актуальные проблемы. Сборник научных статей. Выпуск 8. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета имени Н.И. Лобачевского, 2015. – С. 13–19.

Она же. Через интересы потерпевшего // Инновации в государстве и праве России: Материалы международной научно-практической конференции (г. Нижний Новгород, 24, 25 апреля 2014 года). – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского гос. ун-та. 2014. – С 92–96.

8. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликатных обязательствах в советском гражданском праве: Учебное пособие. Ленинград. Издательство Ленинградского университета, 1983. – 152с.

Types of legitimate interests of the victim (on the example of the institution of exemption from criminal liability)

Vinokurova L.V.
practicing lawyer

This topic is relevant for both substantive and procedural law. For the purposes of this article, issues, which are being studied, are: exemption from criminal liability due to active repentance (Article 75 of the Criminal Code of the Russian Federation), exemption from criminal liability due to reconciliation with the victim (Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article defines the types of legitimate interests of the victim. These are financial and non-financial legitimate interests. Their types and content are disclosed. Their research on this issue is needed to organize the practice of the law enforcement agencies to satisfy them in the areas of civil, criminal and criminal-procedure law.

Keywords: criminal prosecution, exemption from criminal liability, activities of the law enforcement agencies and their officials, legal interests of the victims, their types, content, financial and non-financial legal interests of the victim.

References

1. "On the application by the courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 27, 2013 No. 19 (as amended on November 29, 2016) // Website of the Supreme Court of the Russian Federation : URL: <http://vsrf.ru> (date of access: 22.02.2022).
2. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on January 28, 2022) // Official electronic source of legal information - website: URL: www.pravo.gov.ru (accessed: February 22, 2022).
3. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of November 22, 2001 No. 177-F3 (as amended on December 30, 2021) // Official electronic source of legal information - website: URL: www.pravo.gov.ru (date of access: 02/22/2022).
4. Civil Code of the Russian Federation. Part two: Federal Law of the Russian Federation of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 1, 2021) // Official electronic source of legal information - website: URL: www.pravo.gov.ru (date of 22.02.2022).
5. Karneeva L.M. Bringing to criminal responsibility. Legitimacy and justification. - Moscow: Legal Literature, 1971. - 133 p.
6. Kuznetsov A.V. Criminal law and personality. - Moscow: Legal Literature, 1977. - 168 p.
7. Vinokurova L.V. Statement of the problem of the material and procedural in the legal status of the victim // Legal science, education and practice: actual problems. Collection of scientific articles. Issue 8. - Nizhny Novgorod: Publishing house of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2015. - S. 13-19. Through the interests of the victim // Innovations in the state and law of Russia: Proceedings of the international scientific and practical conference (Nizhny Novgorod, April 24, 25, 2014). - Nizhny Novgorod: Publishing house of the Nizhny Novgorod state university 2014. - From 92–96.
8. Smirnov V.T., Sobchak A.A. The general doctrine of delicate obligations in Soviet civil law: Textbook. Leningrad. Publishing House of the Leningrad University, 1983. - 152p.

ОТРАВЛЕНИЕ ЯДОВИТЫМИ СОЕДИНЕНИЯМИ МЫШЬЯКА И ИХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ РАСПОЗНАВАНИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Кайргалиев Данияр Вулкаилович

кандидат биологических наук, доцент, Волгоградская академия МВД России, danchem@mail.ru

В статье рассмотрены ядовитые вещества на основе мышьяка и их криминалистическое распознавание в рамках расследования фактов отравления. Авторы описывают характеристики ядов мышьяка и методы их экспертного исследования, производимые по заданию следствия и суда.

Ключевые слова: мышьяк, отравление ядом, экспертные исследования, расследование преступлений.

Более 2000 лет мышьяк и мышьяковистые соединения используются человеком в различных сферах жизни, поэтому отравления, непосредственно связанные с этим ядом, встречаются в практике расследования преступлений довольно часто.

Надежный метод обнаружения микроколичеств мышьяка был открыт в XIX веке и в настоящее время практически не изменился. Практика расследования опасных отравлений мышьяком, как правило, не вызывает особых затруднений у современного следователя. Вместе с тем, обобщить и систематизировать сведения о токсичности мышьяка и методах его криминалистического исследования [1;2] будет полезно и в настоящее время.

Широкое распространение и легкая доступность мышьяка являются основной причиной отравлений. Правоохранительными органами постоянно фиксируются случаи неосторожного использования различных препаратов, содержащих мышьяк. Встречаются и нарушения мер предосторожности при обращении с этим ядом. Нарушения техники безопасности при производстве работ связанными с соединениями мышьяка на промышленных предприятиях обычно приводят к образованию мышьяковистого водорода, вдыхание которого неминуемого приводит к тяжелым отравлениям и гибели людей. Встречаются и факты медикаментозного или криминального отравления мышьяком.

Мышьяк в чистом виде мало опасен, т.к. характеризуется малой химической активностью. Высокой токсичностью обладают, как правило, различные соединения мышьяка. Органические соединения мышьяка уступают по токсичности неорганическим, а соединения трехвалентного As в 25–60 раз опаснее, чем соединения пятивалентного мышьяка.

Мышьяковистый ангидрид и его производные, включая их лекарственные формы в разных дозировках (*Acidumarsenicousumanhydricum*) As_2O_3 представляют собой порошок белого цвета, похожий на фарфор или стекло. Они плохо растворяются в воде. Это высокотоксичное вещество оказывает повреждающее воздействие на ткани человека и животного.

В стоматологии, например, его применяют для некротизации пульпы, разрушения мягкой ткани зуба. Внутрь назначали ранее в пилюлях при малокровии, истощении и неврастении. При передозировке в первую очередь поражаются капилляры, нервная ткань, кожа и печень. Предельно допустимая концентрация (ПДК) мышьяковистого ангидрида в воздухе – 0,1 мг/м³.

Мышьяковистый ангидрид входит в состав некоторых лекарственных препаратов, применяемых в лечении лейкозов и заболеваний костного мозга, входит в состав местных некротизирующих средств, используемых при кожных заболеваниях.

Препарат Веракол (Veracol) и его производные PodophyllumD8; ArsenicumalbumD10; VeratrumalbumD8; ColocynthisD8 успешно применяются в ветеринарии. Они вызывают сужение капилляров брюшной полости, чем способствуют уменьшению их проницаемости. В результате чего уменьшается кровотечение в брюшную полость животного.

Мышьяковый ангидрид и его производные, включая их лекарственные формы в разных дозировках As_2O_5 – это белая стекловидная масса, распадающаяся в соприкосновении с воздухом, применяется для получения солей мышьяка, используется для антисептической пропитки древесины, а также в качестве окислителя при изготовлении красителей.

Производные мышьякового ангидрида: Аминарсон (4-карбаминофенилмышьяковая кислота, Aminarsonum, Carbasonum, амевбарсон, карбазон, фенарсон) – белый мелкокристаллический порошок, плохо растворимый в воде и этаноле. Содержит 28,3–29,3% мышьяка. Является сильнейшим ядовитым веществом. Применяется при спирохетозах кур и кроликов, а также при инфекционных желудочно-кишечных заболеваниях молодняка.

Осарсол (3-Ацетамино–4-оксифенилмышьяковая кислота, Acetarsolum, Acetarson, Acetphenarsin, Amarsan, Arsaphen, Devegán, Dynarson, Kharophen, Kubarsol, Limarsol, Nilacid, Orarsan, Orvarsan, Osarsolum, Pallicid, Spirocid, Stovarsol, Vagival) – белый кристаллический порошок без запаха, плохо растворимый в воде и этаноле, содержит около 27% мышьяка. Применяют как гербицид, антисептик для пропитки древесины. Анилиновые краски, в особенности фуксин, получаемый посредством обработки анилина мышьяковой кислотой, содержат в себе мышьяк.

К соединениям мышьяка относят газообразное вещество арсин (AsH_3), являющийся мощнейшим ядом среди неорганических ядовитых веществ. При концентрации в воздухе лишь 0,05 мг/л AsH_3 в течение 30 мин яд проникает в организм человека, а в концентрации 5 мг/л в воздухе летальный исход неизбежен. В промышленности AsH_3 применяется для получения легированных полупроводниковых материалов и высокочистого мышьяка.

Мышьяковистый ангидрид (As_2O_3) наиболее часто является причиной отравления людей, поскольку он применяется в качестве инсектицида и консерванта в агропромышленном комплексе, технологии производства стекла, кожевенной промышленности, медицине. Представляет собой тяжелые белые фарфоровидные или стекловидные куски, очень ядовитые. Часто применяется в качестве яда, так как безвкусен, почти без запаха. Его легко подмешать в пищу или добавить в питье.

Парижская зелень – смешанный ацетат-арсенит меди (II) $Cu(CH_3COO)_2 \cdot 3Cu(AsO_2)_2$, не растворяю-

щийся в воде кристаллический порошок изумрудного цвета. Парижскую зелень использовали в XVIII веке в качестве пигмента для обоев, тканей. Однако, после обнаружения частых отравлений людей, пигмент попал под строгий запрет. Сейчас парижская зелень применяется для изготовления пиротехнических составов, инсектицидов и фунгицидов.

Мышьяк содержится в фармацевтической продукции в виде арсенитов натрия и калия ($NaAsO_2$, $KAsO_2$). Арсенит натрия хорошо зарекомендовал себя в борьбе с сорняками и вредителями в сельском хозяйстве. Арсенит калия активно используется в клинике, поскольку тормозит окислительные процессы, протекающие в организме, улучшает кроветворную функцию, применяется в качестве наружного средства при лечении кожных заболеваний.

Отравления мышьяком обычно протекают остро или хронически, в желудочной и паралитической формах.

Хроническое отравление мышьяком может длиться долго. Для его течения характерны неспецифические симптомы (отсутствие аппетита, тошнота, диарея, насморк, хрипота, дерматит, паралич, слепота, одышка и летальный исход). Длительное употребление воды с содержанием мышьяка 0,01–1,82 мг/л усиливает риск онкологических заболеваний.

Соединения мышьяка часто используются в криминальных целях [2], поскольку они легко доступны. Картина отравления мышьяком очень похожа на некоторые хронические заболевания.

Изумрудное окрашивание содержимого желудка трупа, пищевых остатков и других объектов судебно-медицинских экспертиз может указывать на отравление мышьяком и медью. Мышьяк обнаруживается в промывных водах, рвоте, крови, моче, тканях трупа, коже, волосах и ногтях.

Проба Марша – это высоко воспроизводимый способ установления наличия мышьяка в объекте судебно-медицинской экспертизы. Восстановление мышьяка (III) до арсина производят следующим образом: объект заливают соляной кислотой и добавляют металлический цинк: $As_2O_3 + 6Zn + 12H^+ \rightarrow 2AsH_3 + 6Zn^{2+} + 3H_2O$. Выделяется арсин, который пропускают через нагретую стеклянную трубку. Присутствие мышьяка в исследуемом объекте на месте нагревания стекла наблюдают образование зеркального эффекта (металлический мышьяк). Сурьма и германий в подобном эксперименте образуют металлические зеркала, но при обработке раствором аммиака они не растворяются, как зеркало металлического мышьяка [3, с. 245].

Обнаруживая признаки отравления, следовательно обычно назначает производство судебно-медицинской экспертизы, на разрешение которой ставит следующие вопросы:

1. Какова причина смерти человека?
2. Каким веществом был отравлен человек?
3. Каково время наступления смерти?

Если установлено, что потерпевший длительное время болел, следователь выясняет вопрос, касающийся длительности времени поступления в организм ядовитого вещества, способа его поступления и влияния его на здоровье человека.

При установлении судебно-медицинской экспертизой смертельного отравления мышьяковистым соединением, следователь устанавливает источник поступления этого вещества пострадавшему. Выясняет причастных к этому лицу и подозреваемого. Проводит ряд следственных действий, направленных на доказывание причастности установленного лица к совершению убийства, путем отравления мышьяком.

Таким образом, зная особенности воздействия на организм человека действия мышьяка и его производных, а также особенностей его бытового, фармакологического, промышленного и иного применения, следователь может успешно раскрыть и расследовать преступное деяние.

Литература

1. Криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий / В.Н. Хрусталеv, Г.К. Лобачева, Д.В. Кайргалиев, Д.В. Васильев. – М., 2019. – 444 с.
2. Рассел Д. Сильнодействующие ядовитые вещества. – М.: VSD, 2013. – 733 с.
3. Большая советская энциклопедия. – 3 изд. – М., 1974. – Т. 18. – 631 с.

Signs of poisoning with toxic arsenic compounds and their forensic investigation

Kairgaliev D.V.

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

The article considers toxic substances based on arsenic and their forensic identification in the investigation of poisoning. The authors describe the characteristics of arsenic poisons and methods of their expert study, performed on behalf of the investigation and the court.

Keywords: arsenic, poisoning, expert research, crime investigation.

References

1. Forensic investigation of substances, materials and products / V.N. Khrustalev, G.K. Lobacheva, D.V. Kayrgaliev, D.V. Vasiliev. - M., 2019. - 444 p.
2. Russell D. Potent poisonous substances. – M.: VSD, 2013. – 733 p.
3. Great Soviet encyclopedia. - 3rd ed. - M., 1974. - T. 18. - 631 p.

Участие понятых при производстве следственных действий в уголовном судопроизводстве

Киселёв Денис Сергеевич

сержант прокурорско-следственного факультета Военного университета, deniskisel00@mail.ru

научный руководитель:

Шевчук Анатолий Николаевич

кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры уголовного процесса Военного университета, anatoij.shevchuk@yandex.ru

В статье исследуются вопросы, связанные с теорией и практикой привлечения понятых при производстве следственных действий в уголовном судопроизводстве. Предлагаются пути решения существующих в этой связи проблем, направленные на повышение эффективности функционирования и дальнейшее развитие института понятых.

Ключевые слова: понятые; институт понятых; средства фиксации; уголовный процесс; следственные действия; технические средства фиксации.

Реформа правосудия в России направлена на создание эффективного механизма защиты прав личности. Уголовное судопроизводство призвано обеспечить реализацию закрепленного в ст.2 Конституции РФ императива, согласно которому признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются первостепенными обязанностями государства.

Следственные действия считаются центральным звеном в системе средств расследования преступлений. Их особенность заключается в сочетании регламентированной процессуальной формы и тактического содержания, определяемого совокупностью тактических приемов осуществления познавательной и преобразовательной деятельности следователя. Следственные действия являются надежным средством процессуальной реализации всех приемов, методов и средств расследования преступлений. Только с их помощью могут быть выражены вовне и закреплены в материалах уголовного дела общие и частные результаты тактических операций, взаимодействия с органами дознания, разнообразная криминалистическая информация, полученная и закреплённая надлежащим образом в протоколах следственных действий.

Однако для того, чтобы суд поверил в законность собранных доказательств, у него должны быть определенные процессуальные гарантии обеспечения объективности и обоснованности действий лиц, проводящих предварительное расследование. Этими гарантиями являются способы и средства фиксации хода и результатов следственных действий, которые используют следователь или дознаватель при производстве следственных действий. Речь идет о таком институте права, как понятые. Именно непосредственное участие независимых, незаинтересованных в исходе дела лиц в производстве следственных действий помогает суду объективно оценить собранные доказательства.

Исследования видов, порядка производства следственных действий, а также участие понятых при их производстве занимали значительное место в работах многих ученых, в частности, В.П. Божьева, В.Н. Григорьева, Н.В. Жогина, Р.Э. Ахметшина, Г.И. Загорского, О.П. Глущенко, А.В. Максименко, Р.М. Шевцова, В.А. Семенцова, В.В. Рябокони, М.П. Гутермана, Ф.Н. Фаткуллина и ряда других известных ученых.

Изучая историю российского уголовного судопроизводства, мы можем обратить внимание, что институт понятых находит свое возникновение

около четырех веков назад. Данный институт является весьма консервативным, поскольку до наших дней он не претерпел существенных изменений.

Соборное уложение 1649 г. положило начало существования данной системе правовых отношений в уголовном судопроизводстве, однако тогда оно еще не было отделено от гражданского судопроизводства. Произвол, злоупотребление должностными полномочиями явилось причиной введения данной правовой единицы, а целью в свою очередь – противодействие этому. В тексте Уложения сказано, что понятые – лица, которые не заинтересованы в деле, и которым можно верить, а также что проигравшая сторона может «соблазниться подправить руку правосудия» путем фальсификации документов при помощи судебных работников» [5, с. 29].

В таких нормативно-правовых актах, как «Артикуле воинском» (1715 г.), «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.) институт понятых не претерпел каких-либо серьезных изменений. Первые серьезные изменения и уточнения были регламентированы в «Уставе уголовного судопроизводства» (1864 г.), например, был четко дан перечень лиц, которые могут быть приглашены в качестве понятых. Ни в предшествующих, ни в последующих юридических документах круг понятых не определялся [7, с.40].

Также в «Уставе уголовного судопроизводства» (1864 г.) регламентируются общие положения участия понятых при производстве следственных действий, порядок их привлечения, состав, права и обязанности, ответственность.

С 1864 г. понятые приобретают статус не просто лиц, которые удостоверяют факт проведения следственных действий и их течение, а лиц, на чье мнение теперь опирается суд при вынесении решения. Поскольку мы видим, что теперь понятые имеют право делать замечания по процессу проведения следственных действий, которые отражаются в протоколе, а также эти замечания и сам процесс подтверждаются подписями участников, в т.ч. и понятых [2, с.67–72].

Нормы УПК РСФСР 1922 г. позволяют сделать вывод о том, что, во-первых, уточняется круг лиц, которые не могли быть понятыми, а именно понятыми не могут быть лица, участвующие в деле в качестве сторон, а также родственники сторон. Во-вторых, у понятых увеличился спектр прав, в частности понятым теперь разрешалось возместить понесенные расходы по явке, а также получить вознаграждение за участие. В-третьих, УПК РСФСР обязывает следователя проводить допрос, обыск и выемку с обязательным участием понятых в отличие от «Устава уголовного судопроизводства» 1864 г., где обязательное участие было лишь в осмотре и в освидетельствовании.

По УПК РСФСР 1961 г. понятыми могли быть любые лица, которые не заинтересованы в исходе дела. В основном реформация данного института коснулась обязательного участия при производстве следственных действий. Так, обязательно участие предусматривалось при производстве выемки,

обыска, осмотра, освидетельствования, следственного эксперимента, предъявлении для опознания, эксгумации, наложении ареста на имущество. Факт невозможности подписания протокола следственного действия в силу физических недостатков обвиняемым, подозреваемым, свидетелем или другим лицом так же подтверждался понятыми. Статьей 174 УПК РСФСР регламентировалось участие в качестве понятых – работников учреждений связи при производстве осмотра и выемки почтово-телеграфной корреспонденции, а ст. 167 УПК РСФСР – участие лиц, имеющих допуск к соответствующим сведениям, при выемке документов, содержащих сведения, являющиеся государственной тайной [2, с.67–72].

Как отмечает Д. Козак и Е. Мизулина, многочисленные изменения, вносимые в УПК РСФСР (например, в период 1992–2001 гг. в Кодекс было внесено около 500 дополнений и изменений), не коснулись участия понятых [4, с. 4–11].

Характеризуя содержание института понятых в УПК РФ, необходимо отметить следующее. Во-первых, теперь в ст. 60 УПК от 2001 г. есть перечень лиц, кто не может быть понятым. К ним относятся: несовершеннолетние; участники уголовного судопроизводства, их родственники; работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и предварительного расследования.

Во-вторых, отмечается заметное расширение перечня следственных действий с обязательным участием понятых. Данному вопросу отведена отдельная статья, ст. 170 УПК РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 170 УПК РФ, как минимум, двое понятых с целью удостоверения факта производства следственных действий, его хода и результатов участвуют при производстве наложения ареста на имущества, осмотра, осмотра трупа, эксгумации, следственного эксперимента, обыска, выемки, личного обыска, выемки и снятия копий с почтово-телеграфных отправок, осмотра и прослушивания фонограммы, предъявления для опознания, а также при проверке показаний на месте.

Законодатель также предусмотрел, что участие понятых может быть осложнено какими-либо условиями. В этом случае законодатель обязывает следователя применять технические средства фиксации. Однако, если применение технических средств по каким-либо причинам невозможно, то об этом делается запись в протоколе.

Ч.2 ст.170 УПК РФ указывает нам на то, что остальные следственные действия могут проводиться без участия понятых в следующих случаях: нет ходатайства об участии понятых от участников уголовного судопроизводства; следователь не считает участие понятых целесообразным.

Современный период становления и развития института понятых начался с проведения реформы от 4 марта 2013 г. Ст. 60 УПК не претерпела каких-либо изменений, однако ст. 170 УПК стала иметь совершенно другой вид. До реформы 2013 г. уча-

стие понятых зависело от двух вариантов, это следственное действие с обязательным их участием или без обязательного участия. Сегодня законодатель предоставляет нам три альтернативы:

– ч. 1 ст. 170 УПК – обыск, личный обыск, предъявление для опознания – это те следственные действия, для производства которых следователь обязан привлечь к участию как минимум двух понятых. Анализ двадцать второй главы УПК позволяет сделать вывод, что помимо вышеперечисленных следственных действий, с обязательным участием понятых должно производиться копирование информации с изъятых электронных носителей;

– ч. 1.1 ст. 170 УПК – пункт, в котором законодатель дает следователю больше права выбора. При производстве наложения ареста на имущество, осмотра, осмотра трупа, эксгумации, следственного эксперимента, выемки, осмотра, выемки, снятия копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений, осмотра и прослушивания фонограммы, полученной в результате контроля и записи переговоров, также проверки показаний на месте следователь либо привлекает к участию понятых, либо применяет технические средства фиксации;

– ч. 2 ст. 170 УПК осталась без изменений.

В ч.1 ст. 60 УПК РФ содержится определение понятия «понятой». Так, в соответствии с ч. 1 ст. 60 УПК, понятой – не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия [1].

Из определения мы можем вывести основные функции понятого: удостоверение факта производства следственного действия; удостоверение содержания следственного действия; удостоверение хода следственного действия; удостоверение результатов следственного действия.

Основная цель понятых заключается в обеспечении объективности и достоверности следственных действий, производство которых происходит с их участием.

Также законодатель раскрывает круг лиц, из числа которых не могут быть приглашены в качестве понятых. В соответствии с ч. 2 ст. 60 УПК РФ понятыми не могут быть: несовершеннолетние; участники уголовного судопроизводства, их близкие родственники и родственники; работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования.

В соответствии с ч. 5 ст. 164 следователь, привлекая к участию в следственном действии понятого, обязан разъяснить ему его права. Так, в соответствии с ч.3 ст.60 понятой вправе: участвовать в следственном действии и делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол; знакомиться с протоколом следственного действия, в производстве которого он участвовал; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя,

начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя и прокурора, ограничивающие его права.

Так же законодатель определяет обязанности понятого. В соответствии с ч.4 ст.60 УПК понятой: не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд; не вправе разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст.161 УПК РФ.

Ф. Багаутдинов в своей работе ссылается на то, что современное предварительное следствие и дознание пока не способно «справиться» без понятых: «В современный период с учетом состояния нашего следствия, дознания и правосудия, которые еще далеки до идеального, рано отказываться от института понятых. Нарушений в ходе следствия допускается немало. Поэтому речь должна идти не об упразднении института понятых, а о его совершенствовании» [3, с.50–53].

Законодатель в качестве фиксации указывает понятых и применение технических средств фиксации. В настоящее время идет бурное развитие технических средств, которые могут при надлежащем использовании полностью фиксировать содержание следственных действий.

В большинстве своем против сохранения института понятых выступают именно юристы-практики, однако и в научных кругах также находит свое место дискуссия по поводу замены института понятых институтом технических средств фиксации. В пользу замены высказываются такие научные деятели, как Соболев А.В., Семенов В.А., Митрясова А.С., Хайдаров Т.Х. и др.

В ст.164 УПК РФ нет прямого указания на определенные технические средства фиксации, однако, как утверждает А.В. Гриненко, под такими средствами должны пониматься те средства, которые в полной мере могут зафиксировать весь ход производства следственного действия. Мы считаем, что такими средствами фиксации являются видеокмеры, которые производят видеосъемку, поскольку фотофиксация отражает лишь отдельные фрагменты следственного действия.

Семенов В.А. обращает внимание на то, что «институт понятых сложился в то время, когда отсутствовали иные способы фиксации доказательств. С учётом прошлого и мирового опыта он объективно нуждается в корректировке. Очевидно, что использование технических средств фиксации хода и результатов следственных действий значительно сократит время и издержки в процессе расследования уголовных дел. Кроме того, осуществление видео/звук-записи всего процесса следственного действия не только позволит документально зафиксировать особенности предметов, повреждения, поведения участвующих в следственном действии лиц, другие данные, которые едва ли возможно отразить в протоколе, но также исключит возможность манипуляции с доказательствами» [6, с.170–174].

Как отмечалось уже выше, заменить институт понятых могут только средства видеозаписи, по-

сколько видеозапись отражает весь ход и все содержание следственного действия в динамике и со звуком. Это позволит участникам процесса неоднократно пересматривать данное следственное действие и сопоставлять его с другими доказательствами.

Хайдаров Т.Х. отмечает, что замена института понятых техническими средствами фиксации существенно облегчит работу участников процесса, однако могут возникнуть и ряд существенных проблем, например, низкая квалификация лица, использующего технические средства фиксации при проведении следственных действий. В настоящее время навыки и умения лиц, применяющих технические средства при проведении следственных действий, не всегда соответствуют требуемым [8, с.92–95].

С этой позицией нельзя не согласиться, поскольку процесс видеозаписи достаточно трудоемкий и требует наличия специальных навыков. Помимо этих очевидных факторов также нужно учитывать, что следователь, дознаватель, снимающий происходящее, может, исходя из своих интересов, не снять какие-либо моменты, например, отвернуться в другую сторону. В связи с этим, считаем необходимым предложить привлечь к производству следственного действия специалиста, который будет осуществлять видеосъемку факта, хода, содержания и результата следственного действия, лишь в тех следственных действиях, которые указаны в ч.1 ст.170 УПК РФ, а также при производстве проверки показаний на месте и следственного эксперимента.

Наше предложение обусловлено прежде всего тем, что данный специалист обладает специальными навыками, которые позволят получить материал, подтверждающий протокол следственного действия. Уже тот факт, что процесс производства следственного действия будет записан на видео, будет создавать для суда определенные гарантии того, что это следственное действие произведено законно. Безусловно, данное предложение имеет ряд оговорок, например, отсутствие возможности делать замечания по протоколу следственного действия. Но нужно признать тот факт, что лица, привлекаемые в качестве понятых, не обладают теми знаниями, которые помогут им сделать правильные замечания. Более того, следователь не будет нарушать закон, зная, что все его действия снимаются на камеру независимым лицом.

Тем не менее, при введении данного специалиста необходимо обозначить определенные правила видеофиксации:

1. Видеоматериал должен в себе содержать полный ход производства следственного действия, от начала до конца. Таким образом, видеозапись должна начинаться с момента, как лицо, в отношении которого проводится следственное действие, прибывает к месту производства следственного действия. Во время съемки невозможны какие-либо прерывания, паузы, заканчиваться видеозапись

должна представлением на камеру протокола следственного действия, который подписан всеми участниками следственного действия.

2. Видеоматериал должен в себе также содержать все процессуальные аспекты следственного действия, такие как разъяснение прав, обязанностей, ответственности, порядок проведения следственного действия и т.п.

3. В кадре съемки обязательно должны находиться лицо, в отношении которого проводится следственное действие, и лицо, которое проводит данное следственное действие.

4. Подводя итог, необходимо отметить, что данное предложение требует дальнейшей проработки в будущем. Также нужно учитывать тот факт, что институт понятых является достаточно архаичным, его замена не может произойти в одно мгновение, но с учетом современного развития компьютерных технологий, совершенствования технических средств данная замена представляется вполне реальной и обоснованной в будущем.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Афонин В.К. Становление института понятых в уголовном судопроизводстве России (краткий исторический аспект и современное состояние) // Вестник Российской таможенной академии. – 2008. – №2. – С. 132–137.

3. Багаутдинов Ф.Н. Институт понятых: совершенствоваться, а не упразднить // Законность. – 2012. – № 4. – С. 50–53.

4. Козак Д.Н., Мизулина Е.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М.: Юристъ, 2002. – 1039 с.

5. Михайлов А.С. Институт понятых – архаизм российского уголовного судопроизводства // Законность. – 2003. – № 4. – С. 29–31.

6. Семенов В.А. О проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве России // Общество и право. – 2014. – № 2. – С.170–174.

7. Хитрова О.В. Развитие института понятых в УПК РФ // Адвокатская практика. – 2005. – № 3. – С.39–40.

8. Хайдаров Т.Х., Филиппов М.Н. К вопросу о применении технических средств фиксации при проведении следственных действий без участия понятых // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2015. – № 3(18). – С. 92–95.

Participation of witnesses in conducting investigative actions in criminal proceedings
Kiselev D.S.

Military University

The article deals with issues related to the theory and practice of attracting witnesses to the production of investigative actions in criminal proceedings. The ways of solving the existing problems in this regard, aimed at improving the efficiency of functioning and further development of the institute of witnesses, are proposed.

Keywords: witnesses; institute of witnesses; means of fixation; criminal proceedings; investigative actions; technical means of fixation.

References

1. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated 12/18/2001 No. 174-FZ (as amended on 07/01/2021, as amended on 09/23/2021) // SPS "ConsultantPlus".
2. Afonin V.K. Formation of the Institute of Attesting Witnesses in Russian Criminal Proceedings (A Brief Historical Aspect and Current State) // Bulletin of the Russian Customs Academy. - 2008. - No. 2. – S. 132–137.
3. Bagautdinov F.N. The institution of witnesses: to improve, not to abolish // Legitimacy. - 2012. - No. 4. - P. 50–53.
4. Kozak D.N., Mizulina E.B. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. M.: Jurist, 2002. - 1039 p.
5. Mikhailov A.S. The institution of witnesses is an archaism of Russian criminal justice // Za-konnost. - 2003. - No. 4. - S. 29-31.
6. Sementsov V.A. On the problems of participation of witnesses in criminal proceedings in Russia // Society and Law. - 2014. - No. 2. - P.170-174.
7. Khitrova O.V. Development of the Institute of Attesting Witnesses in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Advocate Practice. - 2005. - No. 3. - C.39–40.
8. Khaidarov T.Kh., Filippov M.N. To the question of the use of technical means of fixation during investigative actions without the participation of attesting witnesses // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. - 2015. - No. 3(18). – P. 92–95.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЖИЗНИ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Книшенко Светлана Юрьевна

магистрант, АНО ВО «Российский новый университет»,
knishenko@yandex.ru

Научный руководитель:

Клоченко Лариса Николаевна

к. ф. н., к. ю. н., доцент кафедры публичного и уголовного
права, АНО ВО «Российский новый университет»,
larisa-bmstu@yandex.ru

Статья посвящена научному подходу квалификации преступления медицинского характера – общественно опасные деяния, основанные на оказании медицинской помощи или услуг работниками сферы здравоохранения, посягающие на жизнь и здоровье, свободу личности, интересы семьи и ребенка, здоровье населения, а также установленный порядок осуществления медицинской деятельности, предусмотренные статьями ст. ст. 109, ст.118, ст.122, ст.123, ст.124, ст.128, ст.153, ст.228, ст.228.2, ст. 230.2, ст. 233, ст.235, ст. 238, ст. 293 УК РФ.

Ключевые слова: своевременное реагирование на обращение, врачебная ошибка, ятрогения, профессиональная этика, владение правовой базой.

Уголовный закон в настоящее время содержит большое количество норм, по которым привлекаются к ответственности медицинские работники как врачи, так и средний медицинский персонал. Причиной тому выступает вполне очевидный и оттого не менее существенный аргумент, что экономика, право, культура, религия и другие отрасли государства практически полностью утрачивают ценность без своего первоисточника – человеческого ресурса.

С целью разграничения так называемых осложнений, детерминированных правомерным и делинквентным поведением, а также демонстрации объективного и непредвзятого взгляда на сущность исследуемого феномена выделим характерные черты преступлений медицинского характера.

1. Пограничный характер общественной опасности, варьирующий между правомерным и преступным поведением.

2. В качестве объекта посягательства (как минимум дополнительного) всегда выступает здоровье личности [15].

3. Деяние, независимо от своей формы, приводит к неблагоприятному исходу либо в силу своей несвоевременности, либо не качественности.

4. Распространено наличие материальных немущественных последствий (вред жизни и здоровью).

5. Установление прямой причинно-следственной связи практически невозможно без специальных познаний в сфере медицины.

6. Небрежность выступает в качестве основной формы вины.

7. Наиболее актуален материальный состав преступления.

8. Достаточно высокий коэффициент латентности, в особенности при отсутствии летальных исходов.

9. Возможность рассмотреть большинство неблагоприятных последствий через призму обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, например крайняя необходимость и обоснованный риск.

Наиболее популярным и распространенным в правовой доктрине сейчас является словосочетание «ятрогенные преступления», которое изначально было расширено до заболеваний, связанных с ошибочными действиями врача, а затем и вообще до всех болезней и травм, ассоциированных с любым медицинским вмешательством [7, с. 3–10]. Согласно современному словарю иностранных слов «ятрогения» (греч. *iatros* – врач + *gennaio* – порождаю) – «заболевание, возникшее как результат

на неправильно истолкованные больным слова или поведение врача, прочитанную медицинскую литературу, и т.п.» [13, с. 731]. В то же время в толковом словаре психиатрических терминов отмечено, что этот феномен является результатом «неправильного поведения медицинского работника (неосторожное высказывание о тяжести и плохом прогнозе болезни, предоставление пациенту возможности ознакомиться с медицинской документацией, научно-популярная лекция, построенная в пессимистическом плане, рассказ о плохом исходе аналогичного заболевания у другого больного и т.п.), при этом сам врач не замечает своей роли в психогенезе заболевания» [2, с. 636]. Большая медицинская энциклопедия описывает этот феномен, как ненамеренно спровоцированное отрицательное воздействие врача на больного, когда вместо терапевтического эффекта у больного создаются представления, усугубляющие его болезненное состояние, или образуется психический комплекс новой болезни» [3, с. 816].

С целью обоснования справедливости приведенных умозаключений выделим отличительные признаки ятрогении, демонстрирующие несостоятельность рассматриваемого словосочетания:

1. Ятрогения предполагает неблагоприятный результат, что не тождественно общественной опасности, подобную же аналогию можно привести на основе административных правонарушений, гражданско-правовых деликтов, дисциплинарных проступков и т. д.

2. Осложнения, вызванные неправильным, недальновидным, неэтичным – в целом непрофессиональным поведением медицинского работника, не свидетельствуют о неправомерности, тем более, преступности содеянного.

3. Врач не осознает свою роль в развитии заболевания, не предвидит неблагоприятных последствий и не желает их наступления. Однако, ошибочные действия также способны привести и к положительному результату. С одной стороны, «счастливая случайность», а с другой – свидетельствует о его невиновности.

4. Нестабильное психоэмоциональное состояние и/или высокая предрасположенность пациента к ипохондрии являются обязательными составляющими для неблагоприятного исхода. Самостоятельные меры по самолечению в обход указаний врача, приводящие к ухудшению состояния здоровья, не должны рассматриваться в контексте ятрогении.

5. Патологические процессы являются результатом именно медицинских действий, а не запоздалых мероприятий или бездействия, что следует расценивать как врачебную ошибку, но не ятрогению.

6. Действия врача, независимо от их правильности, не способны стать самостоятельной причиной неблагоприятных последствий в отсутствие целого ряда других факторов и условий, в том числе предшествующих медицинскому вмешательству.

Таким образом, ятрогению следует определить как негативные последствия в виде вреда жизни

или здоровью пациента, обусловленные его личностными характеристиками, спецификой имеющегося у него заболевания, а также порядком и особенностями оказанной ему медицинской помощи/услуги.

Формирование критериев, свидетельствующих о правильности осуществленных медицинских процедур:

– своевременность (незамедлительное решение об оказании медицинской помощи, принятие неотложных мер, динамичное проведение необходимых процедур и т. д.);

– достаточность (определяется с помощью объема и характера реализуемых мероприятий – диагностики, лечения, профилактики);

– обоснованность (соответствие врачебных процедур требованиям основным правилам и медицинским стандартам на основе текущей ситуации и проведенного обследования состояния здоровья пациента);

– безопасность (минимизация риска причинения вреда здоровью больного);

– оптимальность (использование всех необходимых ресурсов, которые есть в распоряжении врача, медицинского учреждения, региона, выбор из них наиболее перспективного варианта врачевания);

– результативность (достижение благоприятного результата).

С точки зрения формальной логики целесообразно обратиться к определению «ошибки», так как это позволяет проследить ее сущностные характеристики без специализированного вмешательства «медицинского элемента». Так, в соответствии с толковым словарем С.И. Ожегова под ней следует понимать «неправильность в действиях, мыслях» [14, с. 452].

С учетом разноплановости субъективной стороны, дальнейшая систематизация представляется оправданной через призму объекта преступного посяательства:

1. Деяния, наносящие вред общественным отношениям, обеспечивающим охрану жизни и здоровья личности (ст. 109, 118, 122, 123, 124 УК РФ) [1].

2. Правонарушения, ставящие в опасность общественные отношения, охраняющие свободу личности (ст. 128 УК РФ) [1].

3. Посяательства на общественные отношения, обеспечивающие охрану интересов семьи и ребенка (ст. 153 УК РФ) [1].

4. Преступления, создающие угрозу общественным отношениям, обеспечивающим охрану здоровья населения (ст. 228.2, 230.2, 233, 235, 238 УК РФ) [1].

5. Противоправное поведение, причиняющее ущерб общественным отношениям, обеспечивающим установленный порядок осуществления медицинской деятельности (ст. 293 УК РФ) [1].

6. Иные общественно опасные деяния медицинского характера.

Последний пункт относится к абсолютно всем не указанным общественно опасным деяниям, которые могут быть отнесены к исследуемой категории.

Однако подобная трактовка может оказаться излишне «размытой» и привести к ложным умозаключениям [15, с. 102]. В связи с этим предлагается выделить критерии определения соответствующего круга преступных посягательств:

- субъект (медицинский работник);
- способ (общественно опасные действия/ бездействия, которые сопряжены с оказанием медицинской помощи или медицинских услуг);
- объект (жизнь и здоровье, здоровье населения, свобода личности, интересы семьи и ребенка, а также установленный порядок осуществления медицинской деятельности);
- последствия (причинение вреда здоровью либо непосредственная угроза его наступления).

На основании проведенного исследования сформировано авторское видение сущности и содержания асоциальных деяний, совершаемых медицинскими работниками при оказании медицинской помощи или услуги.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.02.2022).

2. Блейхер В. М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 640 с. URL: https://pedlib.ru/Books/4/0363/4_0363-636.shtml#book_page_top(дата обращения: 10.02.2022).

3. Большая медицинская энциклопедия: в 35 т. – М., 1936. – Т. 35. URL: <http://www.encyclopedia.ru/cat/books/book/40926/> (дата обращения: 10.02.2022).

4. Бондаренко Д. В. К вопросу о юридической ответственности медицинских работников // Медицинское право. – 2006. – № 4. URL: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=655> (дата обращения: 10.02.2022).

5. Габай П. Само определение «ятрогенных преступлений» – чудовищно // Онлайн издание «Медицинская Россия». 27 декабря 2018 г. – URL: <https://medrussia.org/24866-polina-gabay-samo-opredelenie-yatrog/> (дата обращения: 10.02.2022).

6. Давыдовский И.В. Врачебные ошибки // Советская медицина. – 1941. – №3. – URL: <https://www.livelib.ru/author/302966/top-ippolit-davydovskij> (дата обращения: 10.02.2022).

7. Красильников А.П. Ятрогении и безопасность медицинской помощи // Медицинские новости. – 1996. – №4. – URL: <http://www.mednovosti.by/journal.aspx?article=1236> (дата обращения: 10.02.2022).

8. Кузнецова Т. Александр Бастрыкин и Леонид Рошаль не пришли к согласию по вопросам ятрогенных преступлений // Сетевое издание «Адвокатская газета». – 21 декабря 2018 г. – URL: [https://www.advgazeta.ru/novosti/aleksandr-bastrykin-i-leonid-roshal-ne-prishli-k-soglasiyu-po-voprosam-](https://www.advgazeta.ru/novosti/aleksandr-bastrykin-i-leonid-roshal-ne-prishli-k-soglasiyu-po-voprosam-yatrogennykh-prestupleniy/)

[yatrogennykh-prestupleniy/](https://www.advgazeta.ru/novosti/aleksandr-bastrykin-i-leonid-roshal-ne-prishli-k-soglasiyu-po-voprosam-yatrogennykh-prestupleniy/)(дата обращения: 10.02.2022).

9. Мазин П. В., Мазин В.П. Клинико-юридическая классификация дефектов оказания медицинской помощи // Медицинское право. – 2005. – № 3.

10. Минздрав сообщил о 70 тысячах осложнений в год из-за ошибок врачей // РИА Новости. 8 февраля 2020 г. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/02/08/12951145.shtml> (дата обращения: 10.02.2022).

11. Мохов А. А., Мохова И.Н. Врачебная ошибка как актуальная проблема судебной практики // Медицинское право. – 2004. – № 2. – С.31–38. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MED&n=14269#qW0NzwSV2MTJhaSB> (дата обращения: 10.02.2022).

12. Ответственность за правонарушения в медицине: учеб. пособие для студентов высшего учебного заведения / [О.Ю. Александрова и др.]. – М., 2006.

13. Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов. – М.: Рус. яз., 1992. – 740 с.; 24 см.; ISBN 5–200–01104–3. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001655388> (дата обращения: 10.02.2022).

14. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М., 2013. –URL: <http://cyberlan.com.ua/wp-content/uploads/2015/07/Tolkovij-slovarj-russkogo-yazika.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

15. Черных Е.Е. Ответственность за «неблагоприятные последствия» в сфере медицины: теория, техника, практика // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 4(56). – С. 94–104. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-neblagopriyatnye-posledstviya-v-sfere-meditsiny-teoriya-tehnika-praktika> (дата обращения: 10.02.2022).

Criminal legal protection of life in the provision of medical Knishenko S.Yu.

ANO VO «Russian New University»

The article is devoted to the scientific approach to the qualification of crimes of a medical nature – socially dangerous acts based on the provision of medical care services by healthcare workers, encroaching on life and health, personal freedom, family and child interests, public health, as well as the established procedure for carrying out medical activities provided for in Articles 109, 118, 122, 123, 124, 128, 153, 228, 228.2, 230.2, 233, 235, 238, 293 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: timely response to treatment, medical error, iatrogenic, professional ethics, possession of the legal framework.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on July 1, 2021) (as amended and supplemented, effective from December 1, 2021) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 02/10/2022).
2. Bleikher V.M., Kruk I.V. Explanatory dictionary of psychiatric terms - Voronezh: NPO "MODEK", 1995. - 640 p. URL: https://pedlib.ru/Books/4/0363/4_0363-636.shtml#book_page_top (accessed 02/10/2022).
3. Big Medical Encyclopedia: in 35 volumes. - M., 1936. - T. 35. URL: <http://www.encyclopedia.ru/cat/books/book/40926/> (date of access: 10.02.2022).
4. Bondarenko DV To the question of the legal responsibility of medical workers // Medical Law. - 2006. - No. 4. URL: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=655> (date of access: 10.02.2022).
5. Gabay P. The very definition of "iatrogenic crimes" is monstrous // Online edition "Medical Russia". December 27, 2018 - URL:

- <https://medrussia.org/24866-polina-gabay-samo-opredelenie-yatrog/> (Accessed on February 10, 2022).
6. Davydovsky I.V. Medical errors // Soviet medicine. - 1941. - No. 3. – URL: <https://www.livelib.ru/author/302966/top-ippolit-davydovskij> (date of access: 02/10/2022).
 7. Krasilnikov A.P. Iatrogenia and the safety of medical care // Medical News. - 1996. - No. 4. – URL: <http://www.mednovosti.by/journal.aspx?article=1236> (date of access: 02/10/2022).
 8. Kuznetsova T. Alexander Bastrykin and Leonid Roshal did not come to an agreement on the issues of iatrogenic crimes // Network edition "Lawyer newspaper". - December 21, 2018 - URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/aleksandr-bastrykin-i-leonid-roshal-ne-prishli-k-soglasiyu-po-voprosam-yatrogennykh-prestupleniy/> (date of access: 10.02.2022).
 9. Mazin P.V., Mazin V.P. Clinical and legal classification of defects in the provision of medical care // Medical Law. - 2005. - No. 3.
 10. The Ministry of Health reported about 70 thousand complications per year due to doctors' mistakes // RIA Novosti. February 8, 2020 - URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/02/08/12951145.shtml> (date of access: 02/10/2022).
 11. Mokhov A.A., Mokhova I.N. Medical error as an actual problem of judicial practice // Medical Law. - 2004. - No. 2. - P. 31–38. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MED&n=14269#qW0NzwSV2MTJhaSB> (date of access: 02/10/2022).
 12. Responsibility for offenses in medicine: textbook. manual for students of higher educational institutions / [O.Yu. Alexandrov and others]. - M., 2006.
 13. Modern dictionary of foreign words: Ok. 20000 words. – M.: Rus. yaz., 1992. - 740 p.; 24 cm; ISBN 5-200-01104-3. URL: <https://search.rsl.ru/record/01001655388> (date of access: 02/10/2022).
 14. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / S.I. Auzhegov, N.Yu. Shvedova; The Russian Academy of Sciences. In-t rus. lang. them. V.V. Vinogradov. - 4th ed., add. - M., 2013. -URL: <http://cyberlan.com.ua/wp-content/uploads/2015/07/Tolkovij-slovarj-russkogo-yazika.pdf> (date of access: 10.02.2022).
 15. Chernykh E.E. Responsibility for "adverse consequences" in the field of medicine: theory, technique, practice // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - No. 4 (56). – P. 94–104. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-neblagopriyatnye-posledstviya-v-sfere-medsiny-teoriya-tehnika-praktika> (date of access: 02/10/2022).

Анализ некоторых аспектов практики проведения допроса и очной ставки по видео-конференц-связи (на примере отдельных зарубежных государств)

Кружилин Н.П.

курсант прокурорско-следственного факультета Военного университета, nikolaipvl@icloud.com

Научный руководитель:

Чуркин А.В.

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Военного университета, tschurkinalex@mail.ru

В данной статье исследуется некоторая практика зарубежного опыта проведения следственных действий при помощи средств видео-конференц-связи: что она из себя представляет и как она способна помочь отечественному правоприменителю при освоении новеллы предварительного расследования, введенной статьей 189¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: предварительное расследование, следственное действие, видео-конференц-связь, зарубежный опыт.

Возможность реализации отдельных следственных мероприятий при помощи использования систем видео-конференц-связи (далее – ВКС) рассматривалась научным сообществом продолжительный период – с момента начала цифровизации отдельных сфер реализации государственных полномочий, который можно условно соотносить с принятием постановления Совета судей Российской Федерации от 16 ноября 2001 года № 65 «Об информатизации и автоматизации судов», вплоть до настоящего времени.

Промежуточным этапом в становлении уголовно-процессуальной нормы о возможности проведения следственных мероприятий при помощи видео-конференц-связи стал проект федерального закона № 764131–6 от 08.04.2015 г. «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видео-конференц-связи)», который, по мнению преподавателя кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Челябинского государственного университета, кандидата юридических наук Овчинниковой О.В., был необоснованно отклонен Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации по причине предполагаемого увеличения загруженности работников следствия и дознания, а также необходимости в дополнительном бюджетном финансировании [3, с. 109].

По моему мнению, существенный вклад в появление института применения ВКС при проведении отдельных следственных действий внесла пандемия новой коронавирусной инфекции Covid–19, которая осложнила проведение следственных действий, дав тем самым законодателю новый импульс для принятия вышеназванных дополнений в УПК РФ.

Так 30.12.2021 г. был принят федеральный закон №501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым в УПК РФ были внесены дополнения касательно возможности применения видео-конференц-связи в ходе проведения допроса, очной ставки и опознания с отражением в ст. 189¹ особенностей проведения названных выше следственных действий.

Важность внесения данных дополнений являлась вполне обоснованной в связи с существованием целого ряда аспектов, делающих производство отдельных следственных действий при помощи ВКС актуальным с последующим анализом

правоприменительной практики зарубежных государств по этим правоотношениям. Рассмотрим некоторые из них:

Первое: По мнению доцента кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, кандидата юридических наук, Новикова С.А. [2, с.3], применение ВКС на стадии предварительного расследования способствует осуществлению уголовного судопроизводства в разумный срок, что в дальнейшем позволит достигнуть требования о разумности срока производства, предусмотренного ст. 6¹ УПК РФ. При этом, по мнению автора, необходимо помнить о том, что дополнительные затраты времени следователя могут привести к излишнему ограничению прав лиц, в отношении которых применяются меры принудительного принуждения.

Второе: Указанный мною названный выше автор Новиков С.А. предполагает, что использование ВКС позволит участникам процесса избавиться от ограничений и неудобств, возникающих в ходе осуществления своей процессуальной роли в проведении предварительного расследования преступления [2, с. 4].

Третье: Авторы Поддубняк А.А. и Евдокимова И.С. считают, что ВКС, внедренная в процесс предварительного расследования, позволит следствию повысить эффективность расследования уголовных дел благодаря снижению затрат служебного времени, непосредственно не направленного на «сбор» доказательственной базы [4, с. 160].

Четвертое: В дополнение к трем указанным выше аспектам сам лично считаю, что подобные нововведения могут увеличить количественный и качественный критерий доказательств, получаемых следователем при осуществлении следственных действий.

Необходимо отметить, что проведение следственных мероприятий посредством ВКС, с одной стороны, предоставляет для органов, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам, новые процессуальные возможности. С другой же стороны, такие возможности являются новеллой для российской правоприменительной практики. Это означает, что российское предварительное следствие и дознание могут столкнуться с серьезными проблемами в ходе применения настоящих новелл УПК РФ.

Основными вопросами в рассматриваемых правоотношениях в формате текста настоящей статьи для российских следователей и дознавателей будут являться некоторые «подводные камни», с которыми уже столкнулись на практике их зарубежные коллеги, а равно порой диаметрально противоположные подходы к проведению следственных действий при помощи ВКС в разных странах.

Далее по тексту своей настоящей работы я буду рассматривать правоприменительный опыт зарубежных стран, относительно раскрытия содержания четырех тезисов, сформулированных в начальной части настоящей статьи.

В защиту названного ранее первого аспекта, связанного с сокращением времени производства

предварительного расследования по уголовному делу стоит привести практику применения допроса с использованием ВКС в Соединенных Штатах Америки. Проведенное мною исследование показывает, что такая форма допроса позволяет достигнуть процессуальной экономии, тем самым делая средний срок производства расследования по уголовному делу менее продолжительным. Однако, применение такой формы допроса, как показал американский опыт, вызывает ряд затруднений, которые возможно подразделить на технические, криминалистические и процессуальные.

Главной технической проблемой, по мнению бывшего федерального прокурора Кэрри Коэн [8], является возможность прерывания допроса по причинам, не зависящим от органов государственной власти – таким как: перебои в системе электропитания, а также неустойчивости сети трансляции данных. Однако, в соответствии с нормой, введенной ст. 189¹ УПК РФ подобных проблем в нашей российской правоприменительной практике быть не должно, ведь предполагается проведение допроса в специально оборудованных для этого помещениях органа следствия или дознания. Условия в таких помещениях, обеспеченные государством из бюджета федерального уровня, должны предоставить стабильную устойчивую связь между участвующими в следственном действии сторонами.

Криминалистическая проблема, по мнению Кэрри Коэн, выражается в невозможности определения должностным лицом, проводящим допрос, в полной мере отследить психоэмоциональное состояние допрашиваемого, которое в большинстве случаев раскрывается через невербальные проявления. Такой недостаток ограничивает ход расследования, в некоторой степени нивелируя тем самым получаемую процессуальную экономию времени.

Также, по оценке адвокатов Джиллиан Берман и Лиз Рахдерт применение ВКС в ходе проведения допроса зачастую приводит к процессуальным нарушениям из-за невозможности защитником в полной мере осуществить свои полномочия, так как защитник присутствует при проведении допроса как третий участник ВКС, из-за чего он выступает в следственном действии «не как адвокат, а, скорее, как зритель» [8]. Стоит отметить, что данный опыт не должен повлиять на российскую правоприменительную практику, так как действующий УПК РФ фактически предусматривает проведение допроса только при участии защитника, который, в соответствии с ч. 6 ст. 189¹ будет находиться по месту проведения следственного действия вместе с лицом, участвующим в таком действии. В ином случае такие доказательства будут безальтернативно признаны недопустимыми.

Рассматривая второй тезис – аспект, сформулированный в начальной части настоящей статьи, который заключается в необходимости использования ВКС при проведении отдельных следственных действий, связанных с повышением комфорта участия граждан в предварительном расследовании уголовных дел, также возможно обратиться к опыту

США, где именно самим гражданам предоставляется право выбора между формой их участия в допросе – очная или дистанционная при помощи ВКС. В свою очередь дистанционная форма участия позволяет допрашиваемому участвовать в следственном действии в то время, когда он находится в своем доме, привычной для него обстановке, располагая его тем самым к даче показаний следователю.

Подобная форма допроса не только сделала участие граждан в следственном действии более комфортным, но и привела к повышению авторитета правоохранительных органов среди населения, делая тем самым осуществление правосудия более доступным. Однако, предусмотренные ст. 189¹ УПК РФ дополнения обязывают допрашиваемое лицо проходить процедуру допроса в помещениях органа следствия или дознания по месту жительства, что, к сожалению, исключает возможность повышения комфорта от участия в предварительном расследовании.

Третий тезис – аспект, сформулированный в начальной части настоящей статьи, который заключается в необходимости применения ВКС при осуществлении следственных действий будет наиболее целесообразно рассмотреть в рамках оказания правовой помощи. Так, исполнение запросов о правовой помощи по уголовным делам в традиционных формах составляет от шести месяцев до двух лет, а иногда и более, тогда как применение ВКС (при использовании надлежащего оборудования и соблюдении методических рекомендаций) позволяет «значительно сократить сроки исполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам (до 1,5 – 3 часов)» [5, с. 105]. Подобная организация показывает, как применение ВКС позволит сократить расход служебного времени сотрудника, не направленного на сбор доказательственной базы. При этом ВКС будет способствовать рационализации труда следователей, что должно будет непосредственно отразиться на оперативном расследовании преступлений и соблюдении разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6¹ УПК РФ.

В заключение, рассмотрим последний тезис – аспект, выражающийся в увеличении количества и качества доказательств, получаемых следователем. По данному вопросу в ходе настоящего моего исследования удалось установить неоднозначность правоприменительной практики среди разных государств зарубежья.

Так, своей работе Д. Рамбоутс проводит анализ практики применения допроса и очной ставки при помощи ВКС в Великобритании. По его мнению, лицо, в отношении которого проводится данное следственное действие, в процессе мероприятия перестает ощущать скованность – общение становится живым, что, в случае допроса, способствует получению наибольшего количества доказательств по делу [6, с. 137–138].

Диаметрально противоположную точку зрения выражает правоприменительная практика Индии, в

которой судья Верховного суда Пенджаба и Харьяны дважды отклонил прошения подозреваемого о проведении в отношении него допроса при помощи ВКС, указав, что «допрос с помощью видеоконференцсвязи невозможен, поскольку следователь не сможет понять поведение обвиняемого и его реакцию, прочитать его психику, так как не будет возможности оценить правдивость ответов по тому, как обвиняемый моргает глазами, вздыхает или передвигает ногами» [7].

Таким образом, представляется возможным установить, что правоохранительные органы Индии отдают свое предпочтение традиционному допросу, так как он предоставляет им возможность оценить невербальные сигналы, которые исходят от допрашиваемого в рамках следственного действия. При этом, Индия не отказывается от применения ВКС – просто сфера его использования ограничивается ситуациями, в которых следователь не будет иметь физической возможности провести допрос традиционным способом.

Схожую позицию занимают и США. Так, федеральный прокурор США Кэрри Коэн в рассматриваемом ранее интервью указывала, что проведение допроса при помощи ВКС, хотя и позволяет допрашиваемому лицу достигнуть комфорта от своей процессуальной роли, не позволяет объективно рассмотреть показания допрашиваемого лица (в первую очередь подозреваемого и обвиняемого), так как сотрудники, осуществляющие расследование преступления, не могут отследить невербальные проявления поведения допрашиваемого [8].

Возможно предположить, что такая разница в оценке применения ВКС в ходе проведения следственных действий между правоохранительными органами США, Индии и Великобритании сложилась из-за разной целевой установки рассматриваемого следственного действия. В Великобритании отмечается, что в рамках допроса и очной ставки лицо начинает ощущать комфорт и, теряя таким образом чувство страха от факта участия в процессе расследования, становится более склонным к даче показаний. Вероятнее всего, в такой ситуации речь идет о проведении следственного действия в отношении лица, имеющего процессуальную роль свидетеля, не имеющего интереса в сокрытии информации. В таком случае влияние комфорта на свидетеля может повлиять на количественный и качественный критерий даваемых им показаний, что является криминалистически обоснованным.

И наоборот, в случае допроса подозреваемого или обвиняемого наиболее целесообразным будет проведение допроса в традиционной форме, так как данное лицо не обязано давать показания против самого себя, в то время как оценка следователем невербальных проявлений поведения подозреваемого либо обвиняемого может позволить получить дополнительную внепроцессуальную информацию в случае, если допрашиваемое лицо решит дать ложные показания или вообще их не давать. Данная информация может служить следователю для правильного направления хода расследования преступления.

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо сделать следующие выводы:

1. Проведение отдельных следственных действий при помощи ВКС в полной мере обеспечивает достижений принципа разумности производства по уголовному делу, предусмотренного ст. 6¹ УПК РФ.

2. Применение ВКС при осуществлении отдельных следственных действий может способствовать достижению процессуального комфорта у участников производства по уголовному делу, однако существующая редакция ст. 189¹ УПК РФ не позволяет достигнуть этого.

3. Использование ВКС при проведении следственных действий способствует экономии служебного времени, и как следствие рационализации труда следователя, что будет наиболее заметно на примере складывающейся со временем практике по оказанию правовой помощи России.

4. Применение допроса подозреваемого или обвиняемого при помощи ВКС будет оправданным и целесообразным только в том случае, когда следователь физически не будет способен допросить данное лицо в силу нахождения подлежащего допросу лица в отдаленной местности.

5. Действующая редакция ст. 189¹ УПК РФ необходимого разграничения между проведением допроса подозреваемого или обвиняемого и свидетеля не предусматривает, что не позволяет достигнуть наибольшего эффекта от проведения допроса при помощи ВКС.

6. Возможность проведения допроса свидетеля при помощи ВКС в условиях, когда допрашиваемый будет находиться в домашней обстановке, может повысить количественный и качественный критерий доказательств, получаемых в ходе такого следственного действия.

На основании выводов, полученных в рамках проведенного исследования, автор предлагает дополнить действующую редакцию ст. 189¹ УПК РФ следующим образом:

Статья 189¹ Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи.

2.1. В случае необходимости проведения допроса свидетеля путем использования систем видео-конференц-связи следователь или дознаватель, которым поручено производство предварительного расследования, вправе провести допрос путем использования средств видео-конференц-связи по месту нахождения свидетеля.

В таком случае будет необходима разработка единого межведомственного программного обеспечения, позволяющего производить допрос путем использования ВКС, а также специального программного обеспечения, высылаемого свидетелю, которое будет давать ему доступ к участию в проведении допроса при помощи видео-конференц-связи.

Литература

1. Архипова Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и за-

рубежных стран (сравнительно-правовое исследование): дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. – М. 2013. – 198 с.

2. Новиков С.А. Допрос с использованием систем видео-конференц связи: завтрашний день российского предварительного расследования // Российский следователь. – 2014. – № 1. – С. 2–6.

3. Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 1 (47). – С. 108–116.

4. Поддубняк А.А., Евдокимова И.С. Допрос свидетеля посредством видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования как новелла российского законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – № 3. – С. 159–165.

5. Хусаинов Д.М., Бачурин С.Н. Применение видеоконференцсвязи в уголовном процессе // Вестник науки Костанайского социально-технического университета имени академика Зулхарнай Алдамжар. Юридические науки. 2017. – № 2. – С. 104–107.

6. Rombouts, D. The police interview using video conferencing with a legal interpreter: a critical view from the perspective of interview techniques. // In Braun, S. & J.L. Taylor (Eds.), Videoconference and remote interpreting in criminal proceedings. Guildford: University of Surrey, (2011). – P. 137–143.

7. Police interrogation can't be over video conferencing: Punjab and Haryana HC. // The Times of India – индийское информационное агентство. [Электронный ресурс]. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/chandigarh/police-interrogation-cant-be-over-video-conferencing-punjab-and-haryana-hc/articleshow/79933915.cms> (дата обращения: 22.02.2022).

8. Coronavirus forces prosecutors to embrace video conferencing in criminal probes. It's raised a host of issues. // CNN – информационно телекоммуникационное агентство. [Электронный ресурс]. – URL: <https://edition.cnn.com/2020/05/06/us/prosecutors-embrace-video-conferencing/index.html> (дата обращения: 22.02.2022).

Analysis of some aspects of the practice of interrogation and confrontation by video-conferencing (on the example of certain foreign states)

Kruzhilin N.P.

Military University

This article examines the practice of foreign investigative actions using video conferencing: what it is and how it can help the domestic law enforcement officer in mastering the novelty of the preliminary investigation introduced by Article 189¹ of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: preliminary investigation, investigative action, video-conferencing, foreign experience.

References

1. Arkhipova E.A. The use of video conferencing in criminal proceedings in Russia and foreign countries (comparative legal research): dis. cand. legal Sciences: 12.00.09. - M. 2013. - 198 p.
2. Novikov S.A. Interrogation using video conferencing systems: tomorrow of the Russian preliminary investigation // Russian investigator. - 2014. - No. 1. - P. 2–6.
3. Ovchinnikova O.V. Remote investigative actions: current state and prospects // Legal science and law enforcement practice. - 2019. - No. 1 (47). - S. 108–116.
4. Poddubnyak A.A., Evdokimova I.S. Interrogation of a witness via videoconferencing at the stage of preliminary investigation as a novelty of Russian legislation // Uchenye zapiski V.I. Vernadsky. Legal Sciences. - 2018. - No. 3. - P. 159–165.

5. Khusainov D.M., Bachurin S.N. The use of video conferencing in criminal proceedings // Bulletin of science of Kostanay socio-technical university named after academician Zulkharnay Aldamzhar. Legal Sciences. 2017. - No. 2. - S. 104–107.
6. Rombouts, D. The police interview using video conferencing with a legal interpreter: a critical view from the perspective of interview techniques. // In Braun, S. & J.L. Taylor (Eds.), Videoconference and remote interpreting in criminal proceedings. Guildford: University of Surrey, (2011). - P. 137-143.
7. Police interrogation can't be over video conferencing: Punjab and Haryana HC. // The Times of India is an Indian news agency. [Electronic resource]. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/chandigarh/police-interrogation-cant-be-over-video-conferencing-punjab-and-haryana-hc/articleshow/79933915.cms> (accessed 22.02. 2022).
8. Coronavirus forces prosecutors to embrace video conferencing in criminal probes. It's raised a host of issues. // CNN is an information and telecommunication agency. [Electronic resource]. – URL: <https://edition.cnn.com/2020/05/06/us/prosecutors-embrace-video-conferencing/index.html> (accessed 02/22/2022).

Гражданский иск в уголовном процессе: вопросы правоприменения и пути совершенствования

Кутин Павел Максимович

курсант прокурорско-следственного факультета Военного университета, pvlfirst@yandex.ru

Цепелев Алексей Викторович

курсант прокурорско-следственного факультета Военного университета, lexa.tsepelev@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы реализации гражданского иска в уголовном процессе, а также анализируются положения уголовно-процессуального законодательства, которое устанавливает необходимость возмещения вреда лицу, если вред причинен в результате преступления. В работе проводится исследование судебной практики, связанной с гражданско-правовыми отношениями, которые реализуются в порядке гражданского судопроизводства или посредством уголовно-процессуальных отношений (если по уголовному делу был заявлен гражданский иск).

Ключевые слова: гражданский иск, меры по обеспечению возмещения вреда, гражданский истец, гражданский ответчик, уголовный процесс.

Гражданский иск в уголовном процессе – это письменное требование физического или юридического лица о возмещении имущественного вреда, причиненного непосредственно преступлением, а также об имущественной компенсации морального вреда, адресованное органу предварительного расследования, судье или суду. Категории «гражданский иск» и «вред» непосредственно связаны между собой. Рассматриваемые процессуальные понятия имеют многовековую историю в международном праве и в праве России. На основании анализа источников права разного периода в истории России гражданский иск утвердился со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Однако предпосылки к его нормативному закреплению начали появляться еще в Русской правде в Древней Руси. Значимость института гражданского иска в уголовном процессе подтверждается не одним столетием его существования.

Институт гражданского иска выполняет свою функцию, обеспечивая возможность возмещения причиненного преступлением вреда. Но, несмотря на действенность гражданского иска, в теории уголовно-процессуального права и в практике существует ряд коллизий. Например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) упоминает понятие «вред» около 75 раз, но его определения не содержит [1]. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК) также не раскрывает понятие вреда, хотя и включает отдельную главу, посвященную обязательствам вследствие причинения вреда [2]. В одном из определений Верховный Суд РФ отметил, что по смыслу ст. 1064 ГК РФ вред рассматривается как всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любое неблагоприятное изменение в охраняемом законом благе, которое может быть имущественным или неимущественным (нематериальным) [3].

Однако такое определение не является точным, поскольку не указаны лица, в отношении которых употребляется такое понятие (физические, юридические), а «умаление» и «изменение» охраняемых благ может быть причинено разными способами (противоправными, правомерными, конкретными действиями или бездействием). Безусловно, в научной литературе существует множество вариантов определения понятия вреда, однако, на наш взгляд, для гражданского, уголовного и для уголовного-процессуального законодательства должны быть определены свои понятия вреда, поскольку цели и процессуальный порядок возмещения вреда в зависимости от вида судопроизводства различны.

На наш взгляд, данный вопрос мог бы быть разрешен путем внесения в ст. 5 УПК РФ определения,

которое бы в полной мере раскрывало понятие вреда, причиненного преступлением и подлежащего возмещению.

Правоведы предлагают внести в УПК РФ понятие «вред, причиненный преступлением», которое определялось бы как вред, причиненный в результате совершения предусмотренного законом противоправного и общественно опасного деяния (действия или бездействия), способы и последствия возмещения которого установлены нормами уголовного, уголовно-процессуального, гражданского и гражданско-процессуального законодательства [5, с.163].

Однако такое понятие видится неполным, поскольку при выработке единого понятия важно охватить всех потенциальных лиц, которым может быть причинен вред, а именно: физических, юридических лиц, государственные или муниципальные унитарные предприятия, государственные или муниципальные унитарные учреждения, имуществу которых, закрепленному в их владении, пользовании или распоряжении, был причинен вред, а также иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранные организации и международные организации.

Кроме того, возмещение вреда охватывается не только предусмотренными в определении кодексами [6, с.144]. Считаем, что допустимо изложить предложенное понятие «вред, причиненный преступлением» как вред, причиненный в результате совершения предусмотренного законом противоправного и общественно опасного деяния (действия или бездействия), лицам, обладающим полномочиями на защиту и восстановление нарушенных прав в рамках уголовного процесса, способы и последствия возмещения такого вреда регламентируются федеральным законодательством.

Как правило, вред в отношении физических лиц принято рассматривать с позиции направленности его причинения и характера: он может быть материальным (имущественным), моральным, физическим. Кроме того, вред может быть причинен в совокупности (материальный и физический; физический и моральный; и другие варианты).

В отношении юридических лиц различают вред имущественный и неимущественный (умаление деловой репутации). Нарушение неимущественных прав причиняет неимущественный вред. Однако такое разъяснение вызывает неоднозначные вопросы. Неимущественные права защищает ГК РФ, отдавая уголовному суду право на разрешение исков о компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Материальная сторона неимущественного вреда в формулировке Постановления Пленума Верховного суда РФ остается за пределами процесса. А в случаях нарушения авторских и смежных прав, которые в Постановлении от 13.10.2020 №234 приводятся в качестве примера, зачастую причиняется и материальный вред [7]. При этом в Постановлении также указывается, что причиненный преступлением вред подлежит возмещению в полном объеме.

Иски неимущественного характера, хотя и о компенсации морального вреда, должны рассматриваться в порядке гражданского судопроизводства в силу своей специфики, как бы тесно они ни были связаны с уголовным делом. Суд в рамках гражданского процесса обеспечит всестороннее и полное восстановление нарушенных прав и позволит в одном процессе решить судьбу неимущественного иска о материальном и при необходимости, о компенсации морального вреда.

Физический вред в общем представлении выражается в причинении вреда жизни и здоровью лица. Уточняется понятие физического вреда в нормах статьи 1085 ГК РФ, а в статье 151 ГК РФ указано, помимо нравственных, и физические страдания, относя такие страдания к моральному вреду. При детальном разборе понятий физического вреда и физических страданий можно выделить ряд различий, однако это не отменяет того факта, что физический вред может повлечь физические страдания и явиться предметом для предъявления иска о компенсации морального вреда. Имущественный вред следует понимать в виде фактической материальной разницы потерпевшего до момента причинения вреда и после совершения преступного деяния.

Причиненный моральный вред следует понимать гораздо шире, поскольку его последствия могут проявиться спустя какое-то время, например, в случае насильственных действий в отношении несовершеннолетних. Поэтому оценивать размер суммы компенсации причиненного морального вреда достаточно сложно. В определенных случаях в уголовном процессе к вопросу о возмещении морального вреда следует подходить комплексно, с учетом тактично выясненного мнения самого потерпевшего (гражданского истца) и (или) его представителя, компетентного врача, психолога (психотерапевта, психиатра и др. в случае необходимости). С этой точки зрения возмещение вреда не должно повлечь еще больший вред потерпевшему (гражданскому истцу).

Если потерпевший отказывается от возмещения вреда, это должно быть известно суду и принято во внимание [8, с.179]. В отношении юридических лиц законодательство предусматривает возмещение вреда в случаях совершения преступлений, причинивших вред имуществу и (или) деловой репутации юридического лица. Юридические лица не обладают правом на возмещение морального вреда, что вполне логично. Однако в литературе на этот счет существуют две позиции:

1) первая сводится к тому, что юридические лица не имеют права на возмещение морального вреда. Обосновывается эта позиция положением ст. 151 ГК РФ и возможностью причинения морального вреда только физическому лицу, поскольку лишь оно может испытывать нравственные страдания;

2) вторая позиция полностью противоположна первой и сводится к возможности получения юридическим лицом возмещения морального вреда.

Обосновываются данные утверждения вероятностью претерпевания морального вреда юридическим лицом [9, с. 22].

Полагаем, что целенаправленно и искусственно созданное физическим лицом или группой таких лиц юридическое лицо не обладает правом возмещения морального вреда, а вот его создатели, учредители – физические лица на законных основаниях могут отстаивать право на возмещение морального вреда, будучи связанными с таким юридическим лицом. Исследуя процессуальные тонкости гражданского иска, надо отметить, что исковые требования о возмещении различных видов вреда могут быть представлены как совместно, так и раздельно.

Гражданский иск в уголовном деле подлежит доказыванию по правилам УПК РФ. Бремя доказывания лежит на стороне обвинения. В предмет доказывания входит характер и размер ущерба, причиненного преступлением. Под размером ущерба понимается количественная характеристика. Под характером вреда понимают качественные признаки. В отличие от следователя, дознавателя, прокурора, защитника и суда, гражданский истец, равно как и гражданский ответчик, не управомочен в сборе непосредственных доказательств, согласно ч. 2 ст. 86 УПК РФ они вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств.

Собирание доказательств представляет собой получение (извлечение) сведений, содержащихся в предусмотренных законом источниках. Дальнейшее же решение вопроса о возможности их приобщения к материалам уголовного дела в качестве доказательств решает дознаватель, следователь или суд [10, с. 7]. В качестве примера, связанного с особенностями доказывания гражданского иска в уголовном процессе, можно привести Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 21.01.2020 №18-АПУ19–30 [11]. В.А. Гмырь был осужден за угон автомобиля, принадлежащего Е. Потерпевший пытался вытащить В.А. Гмыря из своего автомобиля, мешая тому скрыться. Находившийся рядом Н.С. Медведев произвел из пистолета 4 прицельных выстрела в область головы Е. с целью его убийства и желая при этом помочь В.А. Гмыре скрыться от сотрудников полиции. В результате произведенных выстрелов Е. причинены телесные повреждения в виде пулевых ранений в области головы, шеи и правой кисти. Е. просил о взыскании с Н.С. Медведева 500 000 руб. в счет компенсации морального вреда, а с В.А. Гмыри – 131 891 руб. в счет возмещения материального ущерба, причиненного потерпевшему в результате повреждения автомобиля. В качестве доказательств Е. представил товарные чеки о приобретении запасных частей. Судебная коллегия пришла к выводу о необходимости отменить приговор в части взыскания с В.А. Гмыри в пользу потерпевшего 131 891 руб. в счет возмещения материального ущерба ввиду незаконности данного реше-

ния и направила дело в этой части на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Данный вывод был обоснован тем, что в соответствии с положениями ч. 1 ст. 299 и ст. 307 УПК РФ суд должен разрешить вопрос о доказанности предъявленного обвинения и в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора изложить преступное деяние, признанное судом доказанным, с указанием в том числе последствий преступления. Суд также указал, что вопреки данным требованиям закона при описании в приговоре преступного деяния, связанного с угонем принадлежащего Е. автомобиля, суд не указал наступившие последствия в виде механических повреждений автомобиля. Впоследствии, разрешая гражданский иск Е. в части возмещения материального ущерба, суд в приговоре указал, что автомобиль вышел из владения Е. в результате противоправных действий В.А. Гмыри. Сотрудники полиции правомерно открыли огонь из штатного оружия по автомобилю, в результате чего автомобилю были причинены множественные механические повреждения. Обосновывая размер материального ущерба, суд пришел к выводу, что на восстановление автомобиля затрачено 131 891 руб.

По мнению суда первой инстанции, данное обстоятельство подтверждается договором поставки новых запасных частей и товарным чеком. Однако изложенные данные свидетельствуют об отсутствии каких-либо доказательств, подтверждающих факт причинения определенных механических повреждений автомобилю в результате конкретных действий сотрудников полиции и действительную стоимость восстановительного ремонта автомобиля, относимость приобретенных запасных частей к устранению механических повреждений, причиненных автомобилю в результате его угона виновным лицом. Что же касается оспаривания судьбы иска о возмещении морального вреда, Судебная коллегия пришла к выводу, что с учетом конкретных обстоятельств дела суд обоснованно взыскал с Н.С. Медведева в пользу Е. 500 000 руб. в счет компенсации морального вреда.

Данный пример обращает внимание на важность доказывания причинения вреда по гражданскому иску в рамках уголовного дела, а также на некоторые особенности доказывания по таким делам. Ведь изначально правильное рассмотрение вышеупомянутого дела могло бы сократить временные затраты всех участников процесса, снизить нагрузку судов, а также снизить расходы участников и расходы судебной системы и, конечно же, позволило бы гораздо быстрее восстановить нарушенные права потерпевшего.

При поступлении уголовного дела судья решает ряд вопросов, связанных с возмещением вреда. В первых, при необходимости уточняет круг лиц, которым был причинен вред (имущественный, физический, моральный), и признает таких лиц потерпевшими. Данный порядок предусмотрен для лиц, которым был причинен вред, но при производстве

уголовного дела они не были признаны потерпевшими. Кроме того, выясняется, были ли приняты достаточные меры для обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением. Поскольку обеспечение иска играет немаловажную роль в возмещении потерпевшему вреда (а зачастую представляет единственную возможность этого предлагаем изложить часть 2 ст. 230 УПК РФ следующим образом: «Судья обязан вынести постановление о принятии мер по обеспечению гражданского иска и возмещения вреда, причиненного преступлением, либо о возможной конфискации имущества, если такие меры не были приняты следователем, дознавателем».

При постановлении приговора суд должен решить ряд вопросов, касающихся разрешения заявленного и рассмотренного гражданского иска, в том числе подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в чью пользу и в каком размере. Размер возмещения причиненного преступлением вреда определяет суд в приговоре с учетом выясненных необходимых обстоятельств и в соответствии с видом причиненного вреда. Характер физических и нравственных страданий устанавливается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, с учетом поведения подсудимого непосредственно после совершения преступления (например, оказание либо неоказание помощи потерпевшему), индивидуальных особенностей потерпевшего (возраст, состояние здоровья, поведение в момент совершения преступления и т.п.), а также других обстоятельств (например, потеря работы потерпевшим). На основании изученных доказательств суд определяет размер компенсации.

В приговоре, помимо размера возмещения, указываются мотивы, которые обосновывают частичное или полное удовлетворение гражданского иска, в случае отказа – соответствующий мотивированный отказ. Обязательно указывается, на основании какого закона разрешен гражданский иск, и приводятся расчеты суммы, подлежащей удовлетворению [12, с. 103].

Если гражданский иск удовлетворен в части компенсации морального вреда, в приговоре должны содержаться указания на конкретные нравственные и (или) физические страдания потерпевшего, а в случае нарушения личных неимущественных прав и (или) иных нематериальных благ должно быть указано, какие именно права были нарушены. Однако на практике зачастую применяется часть 2 ст. 309 УПК РФ, согласно которой при необходимости проведения дополнительных расчетов, связанных с гражданским иском и требующих отложения судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. Далее действует институт межотраслевой преюдиции, так как в гражданском процессе будет рассматриваться

количественный вопрос возмещения вреда, поскольку заявленный иск в уголовном деле был рассмотрен по существу, приговором удовлетворен.

В порядке гражданского судопроизводства нет необходимости повторно, с выяснением всех обстоятельств, рассматривать дело в части гражданского иска. Но практика показывает, что такой порядок разрешения вопроса занимает достаточно много времени, что не соответствует целям правосудия, которые состоят в том числе в скорейшем восстановлении нарушенных прав в полной мере. Размер компенсации имущественного вреда по предъявленному гражданскому иску определяется судом на основании цен, действующих на момент вынесения приговора по уголовному делу.

Существенным недостатком УПК РФ является отсутствие нормы, позволяющей суду производить индексацию взысканных денежных сумм на день исполнения приговора. Такая прерогатива есть только у суда по гражданскому делу (ст. 208 ГПК РФ). Позиция законодателя в этом вопросе неясна, поскольку, с одной стороны, он все же предусматривает возможность компенсации причиненного вреда в уголовном процессе, кроме того, предусматривает гарантии такой компенсации, а с другой стороны, не позволяет в полном объеме компенсировать причиненный преступлением вред.

Суды в своей практике идут по пути присуждения, как правило, минимальных сумм возмещения причиненного преступлением морального вреда. Это связано с оценочными категориями (жизнь человека, страдания и т.д.), которыми суд руководствуется по своему усмотрению, используя при этом достаточно расплывчатый в применении принцип разумности и справедливости.

Таким образом последствием любого противоправного действия (бездействия) является вред. Поэтому важно на законодательном уровне урегулировать данное понятие, применительно к гражданскому иску, и максимально конкретизировать механизм его возмещения. В связи с этим полагаем необходимым дополнить ст. 5 УПК РФ понятием «вред, причиненный преступлением» и понимать его как вред, причиненный в результате совершения предусмотренного законом противоправного и общественно опасного деяния (действия или бездействия), лицам, обладающим полномочиями на защиту и восстановление нарушенных прав в рамках уголовного процесса, способы и последствия возмещения такого вреда регламентируются федеральным законодательством.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2020) (с изм. и доп. от 06.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Верховного Суда РФ от 27.01.2015 №81-КГ14–19 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Джелали Т.И. К вопросу о гражданском иске в уголовном процессе // Т.И. Джелали, Я.А. Шараева // Юрист-Правоведъ. – 2018. – №4(87). – С. 163–167.

6. Коваленко В.А. Теоретические и практические особенности рассмотрения института возмещения вреда путем предъявления гражданского иска в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. –2021. – №12. – С. 144–155.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 №23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Аникина М.С. Проблемы, возникающие при рассмотрении гражданского иска по уголовному делу // Российский юридический журнал. –2021. – №3. – С. 179–187.

9. Соynиков М.А. Особенности рассмотрения мировыми судьями гражданских исков по уголовным делам // Адвокатская практика. – 2019. – №2. – С. 22–26.

10. Михайлова Е.В. Гражданский иск в уголовном процессе: вопросы теории и практики // Российский судья. – 2021. – №12. – С. 7–11.

11. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 21.01.2020 №18-АПУ19–30 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Матейкович М.С. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: закон, доктрина, судебная практика // Журнал российского права. – 2020. – №3. – С. 103–118.

Civil action in criminal proceedings: law enforcement issues and ways to improve

Kutin P.M., Tsepelev A.V.

Military University

The article deals with topical issues of the implementation of a civil claim in criminal proceedings, as well as analyzes the provisions of criminal procedure legislation, which establishes the need for compensation for harm to a person if harm is caused as a result of a crime. The paper provides a study of judicial practice related to civil law relations, which are implemented in civil proceedings or through criminal procedural relations (if a civil claim was filed in a criminal case).

Keywords: civil action, measures to ensure compensation for harm, civil plaintiff, civil defendant, criminal proceedings.

References

1. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated 12/18/2001 No. 174-FZ (as amended on 12/30/2021) // SPS ConsultantPlus.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on December 29, 2020) (as amended and supplemented on August 6, 2021) // Consultant Plus SPS.
3. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of January 27, 2015 No. 81-KG14–19 // SPS "Consultant Plus".
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993, with changes approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // SPS "Consultant Plus".
5. Jalali T.I. To the question of a civil suit in the criminal process // T.I. Dzhali, Ya.A. Shara-eva // Lawyer-Pravoved. - 2018. - No. 4 (87). – S. 163–167.
6. Kovalenko V.A. Theoretical and practical features of considering the institution of compensation for harm by filing a civil claim in criminal proceedings // Actual problems of Russian law. -2021. - No. 12. – S. 144–155.
7. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2020 No. 23 "On the practice of consideration by courts of a civil claim in a criminal case" // ATP "ConsultantPlus".
8. Anikina M.S. Problems arising when considering a civil claim in a criminal case // Russian Journal of Law. -2021. - No. 3. – S. 179–187.
9. Soynikov M.A. Peculiarities of Consideration by Justices of the Peace of Civil Claims in Criminal Cases // Advocate Practice. - 2019. - No. 2. – P. 22–26.
10. Mikhailova E.V. Civil lawsuit in the criminal process: questions of theory and practice // Russian judge. - 2021. - No. 12. – P. 7–11.
11. Appeal ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Armed Forces of the Russian Federation dated January 21, 2020 No. 18-АПУ19–30 // Consultant Plus SPS.
12. Mateikovich M.S. Civil lawsuit in criminal proceedings: law, doctrine, judicial practice // Journal of Russian Law. - 2020. - No. 3. – S. 103–118.